

юрист
издательская
группа

ПРИНЦИПЫ
ГРАЖДАНСКОГО
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА.
ГРАЖДАНСКАЯ
ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА

КОМПЕТЕНЦИЯ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

УПРОЩЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

ВОПРОСЫ ОТДЕЛЬНЫХ СТАДИЙ
ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

ПЕРЕСМОТР СУДЕБНЫХ АКТОВ

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ДЕЛ

ВОПРОСЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ
МАТЕРИАЛЬНОГО
И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

№ 11/2020

ISSN 1812-383X

9 771812 383773 >

АРБИТРАЖНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Арбитражный и гражданский процесс

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. ПИ № ФС77-29216 от 23 августа 2007 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается еже-

№ 11/2020

Содержание

Судьялар олий кенгаши
Судьялар олий мактаби
КУТУБХОНА
Инвентар № _____
_____ 20 _____ йил

ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА.

ГРАЖДАНСКАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА

- 3 **Ярков В.В.** Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия
- 6 **Плешанов А.Г.** Доступность правосудия и оптимизация процесса в контексте процессуальной реформы (на примере норм о сроках рассмотрения дел судами первой инстанции)
- 9 **Фетисов А.К.** Нормативность гражданской процессуальной формы в пореформенный период гражданского процесса
- 11 **Зипунникова Ю.Н.** Процессуальные последствия ошибок при выборе вида судопроизводства и процессуальная форма: размышления постфактум

КОМПЕТЕНЦИЯ

- 14 **Бараданченкова Н.Е.** Некоторые практические вопросы передачи дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами
- 16 **Чудиновская Н.А.** К вопросу об императивной подведомственности в современном гражданском процессе

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

- 19 **Решетникова И.В.** Профессиональное представительство в российских судах: практика применения
- 21 **Скуратовский М.Л.** Поверенный как лицо арбитражного процесса

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

- 24 **Иванова Е.А., Шереметова Г.С.** Примирительные процедуры: проблемы применения в цивилистическом процессе
- 27 **Батухтина Е.М.** К вопросу об исполнительной силе медиативного соглашения, удостоверенного нотариусом

УПРОЩЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

- 29 **Царегородцева Е.А.** Реформирование упрощенного производства: цели и результаты
- 32 **Соломенна Е.А.** Новые возможности упрощенного производства

ВОПРОСЫ ОТДЕЛЬНЫХ СТАДИЙ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

- 34 **Кудрявцева В.П.** Новая обязанность направлять копии искового заявления другим участникам процесса: теория процесса и практика применения
- 36 **Лазарев С.В.** Управление арбитражным судом продолжительностью выступлений участников судебного разбирательства

ПЕРЕСМОТР СУДЕБНЫХ АКТОВ

- 38 **Халатов С.А.** Значение реформы судебного надзора в гражданском процессе в 2018 году
- 41 **Тимофеев Ю.А.** Сближение процессуальных правил пересмотра судебных актов
- 44 **Гребенцов А.М.** Возражения на кассационную жалобу в гражданском судопроизводстве в кассационном суде общей юрисдикции: недостатки правового регулирования

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ДЕЛ

- 47 **Подольский Ю.Д.** Процессуальная реформа в банкротстве: внесудебное формирование реестра требований
- 49 **Раздьяконов Е.С., Тарасов И.Н.** Итоги процессуальной реформы процедуры разрешения корпоративных споров
- 52 **Долганичев В.В.** Некоторые особенности потребительского группового иска в России
- 55 **Сильченко В.Ю.** Групповое производство и утрата права на самостоятельный иск в арбитражном процессе

ВОПРОСЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

- 58 **Абушенко Д.Б.** Отдельные проблемы гражданско-правового зачета на стадии исполнения судебного акта

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ярков В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ**ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА,
РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕДАКТОР:**

Долганичев В.В., кандидат юридических
наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Арифалин А.А., профессор, заслуженный
юрист РФ;
Витрянский В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Жилин Г.А., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;
Исайчев В.И., заслуженный юрист РФ;
Носырева Е.И., доктор юридических наук,
профессор;
Осокина Г.Л., доктор юридических наук,
профессор;
Ренов Э.Н., кандидат юридических наук,
профессор;
Сахнова Т.В., доктор юридических наук,
профессор;
Треушников М.К., доктор юридических
наук, профессор;
Туманова Л.В., доктор юридических наук,
профессор;
Шерстюк В.М., доктор юридических наук,
профессор;
Юков М.К., доктор юридических наук,
профессор

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., доктор юридических наук,
профессор, чл.-корр. РАО,
заслуженный юрист РФ

**ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ИГ «ЮРИСТ»:**

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

И КОРРЕКТУРА: Швечкова О.А., к.ю.н.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

**ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ
ПОДПИСКИ:**

Тел. / факс: (495) 617-18-88

(многоканальный)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Телефон редакции: (495) 953-91-08

**АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА /
РЕДАКЦИИ:**

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26 / 55, стр. 7.

E-mail для авторов: avtor@lawinfo.ru

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:

Объединенный каталог. Пресса России —
85473;

Почта России. Электронный каталог — П1715.

Подписка на www.lawinfo.ru

Номер подписан в печать: 19.10.2020.

Номер вышел в свет: 29.10.2020.

ISSN 1812-383X

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 170x252. Печать офсетная.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Общий тираж 4000 экз. Цена свободная.

Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного
цитирования.

Ярков

Владимир Владимирович,

заведующий кафедрой
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
yarkov5995@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-3-6

Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия

В статье проанализировано влияние ключевых тенденций развития гражданского и административного судопроизводства последних лет на отдельные принципы гражданского процессуального права. По мнению автора, российская система судопроизводства и судоустройства переживает период реформирования, аналогичный по глубине и содержанию реформам 90-х годов XX века. Поэтому обращено внимание на необходимость переосмысления содержания целого ряда принципов гражданского процессуального права.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, принципы, дематериализация, деритуализация, правосудие.

Тенденции развития процессуально-го права. В XXI веке, особенно в течение второго десятилетия, развитие судебной организации и судопроизводства связано с новыми правовыми, экономическими и технологическими реалиями. Создание единого Верховного Суда Российской Федерации в 2014 г. оказалось только одним из этапов, по сути дела, новой судебной реформы. Существенно изменили процессуальное законодательство Кодекс административного судопроизводства (КАС РФ), федеральные законы от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ, от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ, от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ, новая редакция гл. 7 Конституции Российской Федерации, etc.

Бросается в глаза отличие реформ 90-х гг. XX в. и второго десятилетия XXI в. В тот период идея Концепции судебной реформы 1991 г. в отношении гражданского процесса, содержавшая утверждение о том, что гражданский процесс «должен стать услугой, оказываемой государством сторонам»¹, была признана ошибочной. Исходя из идеи о Российской Федерации как о социальном государстве (ч. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации), законодатель отказался от идеи правового дарвинизма и не воспринял идею рассмотрения правосудия как услуги.

Однако в последние годы обращают на себя внимание два ключевых момента развития процессуального законодательства. Во-первых, это «деритуализация» правосудия, исключение многих его традиционных процессуальных положений, имеющих,

по мнению законодателя, отягчающий и усложняющий характер. Во-вторых, это «дематериализация» судебного процесса, основанная на аналогичных тенденциях гражданского оборота, активное использование информационных технологий с внедрением методов «бесконтактного» правосудия, когда общение суда и участников процесса происходит только в рамках «виртуального судебного пространства» и практически полностью осуществляется без личного контакта судьи со сторонами.

Существенное влияние на организацию деятельности судов и порядок осуществления судопроизводства оказало распространение коронавирусной инфекции, когда суды, исходя из создавшихся в условиях пандемии условий ограничения личного процессуального общения, но преследуя цель разрешения дела, создали новые правила по проведению онлайн-слушаний, также без личного общения, а в рамках видеосвязи². «Холодность цифрового звука» все более заменяет теплоту речи и непосредственное общение участников процесса³. Полагаем, что по своему содержанию и последствиям, которые нам еще предстоит оценить, российская система судопроизводства и судоустройства переживает период реформирования, аналогичный по глубине и содержанию реформам 90-х гг. XX в.

² См. подробнее: Брановицкий К.Л., Ренц И.Г., Ярков В.В. Судебное правотворчество в условиях пандемии коронавируса: нонсенс или необходимость? // Закон. 2020. № 5. С. 107–117.

³ См.: Константинов П.Д. Цифровизация как современная угроза праву // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 154.

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 98.

Среди наиболее очевидных последствий — необходимость иного взгляда на принципы гражданского процессуального права. **Принцип равноправия сторон** определяет необходимость обеспечить равный доступ к системе электронного правосудия — со стороны богатых и бедных сторон, находящихся в крупных центрах и сельской местности, иначе, неравенство, теперь уже на технологической основе, будет усугубляться. Как справедливо отмечал В. Некрошюс, применение информационных технологий предполагает то, что ими могут пользоваться все участники процесса⁴. В судебных процессах участвуют как коммерческие и некоммерческие организации, так и граждане самого разного имущественного положения. Принцип равенства определяет необходимость равного доступа всех лиц к возможностям «электронного» правосудия, базам законодательства и судебной практики, который большей частью является платным. Поэтому возникает необходимость обеспечить не только юридическое, но и цифровое равенство лиц, участвующих в деле.

Возникает необходимость толкования конституционной нормы **о праве каждого лица на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которого оно отнесено законом** (ч. 1 ст. 47 Конституции России). В современных условиях Интернет модифицирует понятие места нахождения лица, места заключения или (и) исполнения договора, места осуществления определенной деятельности (например, размещение в Интернете противоправной информации, распространение которой необходимо остановить, либо размещение информации с нарушением авторских прав), поэтому возникает вопрос об определении новых юрисдикционных привязок определения компетентного суда в рамках национального и международного гражданского процессов⁵. То же самое касается

споров потребителей, когда соответствующие договоры заключаются онлайн: здесь существенно меняется понимание подсудности и выбор компетентного суда⁶.

Кроме того, возникает в целом вопрос: надо ли сохранять правила подсудности в делах бесконтактного правосудия, в которых судья в любом случае «никого не видит и не слышит»? В таком случае дела приказного и упрощенного производства могли бы распределяться сообразно нагрузке судов, что исключит перекосы нагрузки от более загруженных судов в пользу других, менее загруженных судов. Другой вариант — создание в каждом федеральном округе сообразно часовым поясам нашей страны судебных центров, где бы специальными судьями обрабатывались соответствующие заявления по делам бесконтактного правосудия. Возможно и использование опыта ФРГ — полная автоматизация приказного производства на основе машинной обработки соответствующих заявлений, которые могут подаваться адвокатами⁷, но это может потребовать реформы доступа к такой автоматизированной системе с учетом современного кадрового состава российской адвокатуры.

Использование видеоконференции и проведение онлайн процессов модифицирует **принцип непосредственности**. Например, присяга свидетеля с подписью в протоколе потребует другой формы его подписи. Иначе потребуются фиксировать в протоколе отказ от иска или признание иска в судебном заседании, в котором одна из сторон или обе участвуют в режиме веб-конференции. В таком случае фиксация будет производиться с использованием видео- и аудиозаписи. Допрос свидетеля в удаленном режиме, вне зала судебного заседания, потребует создания условий для исключения давления на свидетеля со стороны лиц, находящихся «вне и за кадром». Кроме того, необходимо обеспечить возможности для всех лиц, участвующих в деле, задавать вопросы, если весь процесс будет происходить в режиме онлайн вне помещения суда.

Если же станет возможным допрос свидетеля, находящегося за рубежом, в режиме видеоконференции, то в таком случае потре-

⁴ См.: Некрошюс В. Информационные технологии в процессах гражданского права в странах Балтии // Использование новых информационных технологий в арбитражном процессе и при осуществлении нотариальной деятельности: материалы международного семинара (г. Екатеринбург, 7–8 сентября 2006 г.) / под ред. И.Ш. Файзутдинова и В.В. Яркова. М., 2007. С. 46.

⁵ Данная тема была уже предметом исследования. См., например: Незнамов А.В. Особенности компетенции по рассмотрению интернет-споров: национальный и международный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010; Slot, P.J., Bulterman, M. (ed.). Globalisation and Jurisdiction. Leiden: Kluwer Law International, 2004.

⁶ См.: Терентьева Л.В. Основания установления международной судебной юрисдикции применительно к трансграничным потребительским спорам в цифровую эпоху // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 11. С. 96–107.

⁷ См. о таком опыте: Брановицкий К.Л. Информационные технологии в гражданском процессе Германии (сравнительно-правовой анализ). М., 2010. С. 106–129.

буется пересмотреть всю систему судебных поручений, основанную в настоящее время на письменной их форме согласно Гаагским конвенциям, многосторонним и двусторонним договорам о правовой помощи.

Кроме того, в условиях онлайн-процесса возникает вопрос о возможности присутствия в судебном заседании других лиц, поскольку на сегодня все процессуальные кодексы декларируют открытость, за рядом исключений, разбирательства дел в судах (ст. 10 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 11 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ), ст. 11 Кодекса административного судопроизводства РФ). Поэтому введенная в связи с пандемией коронавируса возможность онлайн-процессов серьезно ограничила действие принципа гласности, который относится к числу фундаментальных основ правосудия. То же самое относится и к **принципу устности**, поскольку фактически процесс сводится к исследованию документов, без объяснений сторон и других лиц, участвующих в деле.

Для обеспечения действия принципа диспозитивности необходима иная проверка подлинности волеизъявления стороны. Все это может стать значимой проблемой, поскольку возможно вторжение посторонних лиц в информационные системы и искажение воли стороны.

Другой важный аспект диспозитивности — необходимо ли во всех случаях согласие сторон на ведение процесса либо совершение отдельных процессуальных действий в «электронной» форме. Такой вопрос возникает в связи с тем, что извещение сторон в соответствии с ч. 3 ст. 121 АПК РФ, а также направление копий судебных актов согласно ч. 1 ст. 122 АПК РФ могут осуществляться по усмотрению суда путем направления соответствующей информации по электронной почте, без согласия на такую форму коммуникации со стороны соответствующего лица.

В основе построения системы электронной коммуникации, скорее всего, должно быть согласие сторон на такого рода процессуальные действия суда, которые, в свою очередь, обеспечат, как один из вариантов (возможны и другие), надежность взаимного обмена информацией, возможность иденти-

фикации заинтересованных лиц и проверки достоверности их волеизъявления.

В условиях онлайн-процессов модифицируется и **принцип состязательности**, предполагающий раскрытие доказательств каждой из сторон — практически только в письменной форме. В таких процессах исключается непосредственное познание фактов судьей и оно (познание) все сводится практически к опосредованному познанию фактов и обстоятельств.

Внедрение «предиктивного правосудия» или «предсказанного правосудия» ставит вопрос о степени **независимости суда** от внешних воздействий, когда появляется возможность формирования проекта судебного акта искусственным интеллектом⁸. Этические принципы использования искусственного интеллекта в судебных системах (СЕРЕЖ, 04.12.2018) поставили ряд ограничений для обеспечения независимости суда, но это акт «мягкого права». При внедрении искусственного интеллекта в нормативную ткань гражданского и административного судопроизводства такие ограничители целесообразно ввести непосредственно в тексты соответствующих процессуальных кодексов и технических регламентов.

В заключение отметим также, что переход на широкое использование информационных технологий требует изменения языка законодательных актов. В этом случае должен меняться сам язык закона, который должен быть более формализован, поскольку электронная программа вряд ли сможет оценивать фактические обстоятельства и принимать решение на основе норм с относительно определенными и неопределенными элементами⁹.

⁸ См.: Брановицкий К.Л., Ренц И.Г., Незнамов Ал.В., Незнамов Ан.В., Ярков В.В. Цифровые технологии в цивилистическом процессе: некоторые тенденции и перспективы // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 52–95; Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 11. С. 79–84.

⁹ См. об опыте ФРГ: Брановицкий К.Л. Информационные технологии в гражданском процессе Германии (сравнительно-правовой анализ). М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 107.

Литература

1. Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт / П.Н. Бирюков // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 11. С. 79–84.
2. Брановицкий К.Л. Информационные технологии в гражданском процессе Германии (сравнительно-правовой анализ): монография / К.Л. Брановицкий. Москва: Волтерс Клувер, 2010. 200 с.

3. Брановицкий К.Л. Судебное правотворчество в условиях пандемии коронавируса: нонсенс или необходимость? / К.Л. Брановицкий, И.Г. Ренц, В.В. Ярков // Закон. 2020. № 5. С. 107–117.
4. Брановицкий К.Л. Цифровые технологии в цивилистическом процессе: некоторые тенденции и перспективы / К.Л. Брановицкий [и др.] // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 52–95.
5. Константинов П.Д. Цифровизация как современная угроза праву / П.Д. Константинов // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 149–156.
6. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / составитель С.А. Пашин. Москва : Верховный Совет Российской Федерации : Республика, 1992. 110 с.
7. Незнамов А.В. Особенности компетенции по рассмотрению интернет-споров: национальный и международный аспекты : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.В. Незнамов. Екатеринбург, 2010. 26 с.
8. Некрошюс В. Информационные технологии в процессах гражданского права в странах Балтии / В. Некрошюс // Использование новых информационных технологий в арбитражном процессе и при осуществлении нотариальной деятельности : материалы международного семинара (г. Екатеринбург, 7–8 сентября 2006 г.) / под редакцией И.Ш. Файзутдинова, В.В. Яркова. Москва : ФРПК, 2007. 135 с.
9. Терентьева Л.В. Основания установления международной судебной юрисдикции применительно к трансграничным потребительским спорам в цифровую эпоху / Л.В. Терентьева // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 11. С. 96–107.
10. Globalisation and Jurisdiction / by ed. P.J. Slot, M. Bulterman. Leiden : Kluwer Law International, 2004. 324 p.

**Плешанов
Александр Геннадьевич,**
доцент кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
post-melody@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-6-8

Доступность правосудия и оптимизация процесса в контексте процессуальной реформы (на примере норм о сроках рассмотрения дел судами первой инстанции)

В статье автор анализирует изменения, внесенные в процессуальное законодательство России в рамках процессуальной реформы 2018 года с точки зрения соотношения идеи оптимизации процессуальной формы и принципа доступности правосудия. Основным объектом анализа такого соотношения выступают общие сроки рассмотрения дел судами первой инстанции.

Ключевые слова: оптимизация процессуальной формы, унификация процессуального законодательства, принцип доступности правосудия, сроки рассмотрения дел в судах.

Одним из принципов гражданского процессуального права, получивших развитие в результате принятия Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ, яв-

ляется принцип доступности правосудия, который, по справедливому замечанию Г.А. Жилина, предполагает допуск к надлежаще действующему процессуально-правовому

механизму, обеспечивающему правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дела и в конечном счете реализацию той основной цели, ради которой начат процесс, т.е. защиту действительно нарушенного или неправомерно оспариваемого права¹.

Анализируя новеллы указанного федерального закона, нельзя не учитывать две тенденции — оптимизации гражданской процессуальной формы и унификации правового регулирования в области цивилистического процесса. В этой связи необходимо отметить, что реформа процессуального законодательства является очередным шагом на пути: а) создания механизма рассмотрения и разрешения гражданского дела, предполагающего применение наилучшего (без неоправданных временных, финансовых и прочих затрат) пути достижения целей и задач правосудия²; б) устранения неоправданных различий и противоречий в регулировании одних и тех же институтов тремя подотраслями цивилистического процессуального права (гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального), иначе говоря, приведения их к единому правовому «знаменателю»³.

Остановимся на одном из условий обеспечения доступности правосудия, затронутых проведенной процессуальной реформой — сроках рассмотрения дел судами первой инстанции⁴. Важность данного условия

объяснима, если учесть, что нарушение нормативных сроков может привести к утрате интереса в получении судебной защиты ввиду невозможности исполнения судебного решения, принятого в пользу истца, или по иным причинам.

Изменения, касающиеся сроков рассмотрения дела, на наш взгляд, заслуживают неоднозначной оценки.

Для арбитражных судов первой инстанции законодатель счел нужным увеличить общий срок рассмотрения дел в два раза: с трех месяцев до шести (ч. 1 ст. 152 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК)). Общие сроки рассмотрения гражданских дел в судах общей юрисдикции остались неизменными: для районных и вышестоящих судов — два месяца, для мировых судей — один месяц (ч. 1 ст. 154 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК)). Без изменений остались и общие сроки рассмотрения административных дел по Кодексу административного судопроизводства РФ (КАС) (ч. 1 ст. 141).

Налицо явное несоответствие новеллы АПК тенденции унификации цивилистического процесса. По сути, дифференцированный подход к регулированию общего срока рассмотрения дел по первой инстанции не просто сохранен, но и усилен. С этим можно было бы согласиться при наличии веских аргументов, которые бы объясняли такое положение вещей. Однако различие в продолжительности общего срока рассмотрения решительно невозможно объяснить спецификой экономических споров, являющихся предметом рассмотрения в арбитражных судах. Ведь для тех категорий дел, которые в силу сложности или иных особенностей требуют более длительных сроков рассмотрения, в АПК довольно широко используется конструкция специальных сроков рассмотрения. Статистические данные о количестве допускаемых арбитражными судами нарушений общего срока рассмотрения дел также не свидетельствуют в пользу необходимости увеличения данного срока: по данным судебной статистики, только 3,5–4,0% дел рассматриваются арбитражами с превышением сроков, установленных законом⁵. Определенные опасения вызывает

к правосудию // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. М., 2001. С. 72.

⁵ См.: Обзоры судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов в 2015–2018 годах. URL: http://www.arbitr.ru/statisticheskoe_dannoe/

¹ Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М., 2010. С. 148.

² Такое понимание оптимизации в сфере судопроизводства было предложено Е.А. Царегородцевой. См.: Царегородцева Е.А. Способы оптимизации гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 5.

³ На существование данной тенденции в сфере гражданского правосудия применительно к смежным институтам гражданского процессуального и арбитражного процессуального права обращалось внимание в литературе. См., в частности: Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф. Об унификации цивилистического процессуального закона в контексте отдельных оснований для отказа в принятии заявления // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3. С. 72–79.

⁴ В литературе сроки рассмотрения и разрешения гражданских дел справедливо рассматриваются как одно из условий (факторов), наличием которых определяется доступность правосудия. См.: Шакарян М.С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. М., 2001. С. 61; Ярков В.В. Цели судопроизводства и доступ

и повышение риска выведения активов ответчиком в течение шестимесячного периода рассмотрения дела по сравнению с трехмесячным, что практически гарантированно влечет за собой невозможность восстановления нарушенного права.

Но было бы, очевидно, неверно утверждать о полном отсутствии положительного эффекта увеличения общего срока рассмотрения дел, причем эффекта, который органически связан с принципом доступности правосудия в его организационно-правовом аспекте: при более длительном рассмотрении дел судьи смогут назначать меньше заседаний на один день и успевать рассматривать их по расписанию. Тем самым будут исключены или сведены к минимуму задержки проведения судебных заседаний, при которых стороны нередко вынуждены ожидать начала заседания по нескольку часов. Нельзя не отметить также и то, что длительность срока рассмотрения может положительно отразиться на выполнении судами одного из главных требований к судебному решению — мотивированности, учитывая, что срок составления мотивированного решения в арбитражных судах включается в срок рассмотрения дела⁶.

Однако наличие отмеченного положительного эффекта само по себе не снимает

вопрос о том, почему общий срок рассмотрения дела в арбитражных судах по продолжительности в три раза больше аналогичного срока, установленного для рассмотрения гражданских и административных дел судами общей юрисдикции, причем продление срока рассмотрения по ГПК и КАС возможно не более чем на один месяц (то есть до трех месяцев), а по ГПК не более чем на три месяца (соответственно, до девяти месяцев). В этой связи с логической необходимостью возникает и другой вопрос: почему нельзя установить единый общий срок рассмотрения дел в районных судах общей юрисдикции и арбитражных судах субъектов Федерации, например, в четыре месяца с возможностью его продления должностными лицами суда по сложным делам до шести месяцев?

Подводя итоги, необходимо отметить, что изменения, внесенные в процессуальное законодательство в рамках реформы, проведенной Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ, затронули различные условия обеспечения доступности правосудия, в том числе сроки рассмотрения дел в судах первой инстанции. При этом законодатель по ряду позиций, в частности относительно возможности продления общих сроков рассмотрения дел, пошел по пути унификации норм АПК, ГПК и КАС, а по вопросу о продолжительности таких сроков счел нужным усилить дифференцированный подход к правовому регулированию.

⁶ Данная позиция была закреплена в качестве руководящего разъяснения в постановлении Пленума ВАС РФ от 25 декабря 2013 г. № 99 «О процессуальных сроках» (п. 7).

Литература

1. Афанасьев С.Ф. Об унификации цивилистического процессуального закона в контексте отдельных оснований для отказа в принятии заявления / С.Ф. Афанасьев, В.Ф. Борисова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 3. С. 72–79.
2. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы / Г.А. Жилин. Москва : Проспект, 2010. 576 с.
3. Царегородцева Е.А. Способы оптимизации гражданского судопроизводства : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.А. Царегородцева. Екатеринбург, 2006. 22 с.
4. Шакарян М.С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции / М.С. Шакарян // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 31 января — 1 февраля 2001 г.) / ответственный редактор И.А. Приходько. Москва : Лиджист, 2001. С. 61–69.
5. Янков В.В. Цели судопроизводства и доступ к правосудию / В.В. Янков // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 31 января — 1 февраля 2001 г.) / ответственный редактор И.А. Приходько. Москва : Лиджист, 2001. С. 70–88.

Фетисов

Александр Константинович,

доцент кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
fak002@usla.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-9-10

Нормативность гражданской процессуальной формы в пореформенный период гражданского процесса

В статье рассматривается влияние вносимых изменений в процессуальные институты на процессуальную форму. В случае пробелов гражданские процессуальные правоотношения могут возникать как фактические, а затем регулироваться нормами гражданского процессуального права. Судебная практика при этом становится непосредственным источником такого регулирования.

Ключевые слова: процессуальная форма, принцип законности, упрощенные производства.

Общепринято, что гражданские процессуальные правоотношения носят только правовой характер и существуют по общему правилу только в правовой форме и этим они существенным образом отличаются от материально-правовых отношений. Процессуальные отношения, возникающие в связи с осуществлением государственной функции правосудия по гражданским делам, не могут существовать вне правовой формы. Гражданская процессуальная форма, являясь «первообразом» отраслей современного (не уголовного) процессуального права, содержит в себе универсальные принципы, цели и задачи правосудия в рамках собственного гражданского, а также арбитражного и административного судопроизводства. По мнению автора, использованный в рамках настоящей статьи термин «процессуальная форма» в широком ее значении не будет нести в себе противоречия при его употреблении применительно к сходным ситуациям, возникающим в ходе отправления правосудия в трех вышеуказанных формах.

Процессуальная реформа продолжила развитие упрощенных форм процессуальных производств¹. В таких производствах (уже только в силу их наименования) не применяются общие процессуальные правила и видоизменено понимание ряда принципов, характеризующих и определяющих гражданскую процессуальную форму (можно назвать это отказом от части принципов, определяющих процессуальную форму). Упрощенные производства представляют собой в целом изъятия из правил процесса (можно именовать это спецификой процедур) по многим институтам: от сроков и порядка рассмотрения дела в суде первой инстанции до обжалования постановлений. При таком

векторе реформирования процессуальных положений судья становится единственным реальным гарантом соблюдения принципов судопроизводства, от усмотрения которого зависит не только эффективность отправления правосудия по конкретному делу, но и столкновение с субъективным отношением лиц, участвующих в этом деле по вопросам понимания участниками процесса их гарантий при отправлении правосудия. Мнение судей, основанное на их собственном понимании справедливости, становится решающим — право станут творить судьи, не связанные излишними формальностями процесса.

Стремительное развитие экстраординарной ситуации, определяемое эпидемиологической обстановкой на территории страны, подвигло судей на инициативы по использованию конференционных вариантов в процессе отправления правосудия. Невьянский городской суд провел заседание по административному делу с помощью видеозвонка в мессенджере WhatsApp². Инициатива имела место до формирования разъясняющей позиции Верховного Суда Российской Федерации, впоследствии рекомендовавшего судам при наличии технической возможности с учетом мнений участников судопроизводства проводить судебные заседания по делам (материалам) с использованием системы видео-конференц-связи и (или) системы веб-конференции³. В настоящее время положения процессуальных кодексов не содержат порядка проведения судебных заседаний посредством веб-конференции, а равно как и самого термина «web-конференция», а между

² URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4310168>

³ Ср. редакции п. 5 Постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 821 и от 29 апреля 2020 г. № 822 «О приостановлении личного приема граждан в судах».

¹ См., к примеру: Соломеина Е.А. Упрощенное производство в арбитражном процессе: пути совершенствования // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 38–40.

тем участники судопроизводства подают в суд заявления в электронном виде и пользуются разными форматами веб-конференций.

Множащиеся изъятия из общих правил процесса превращают «производства с изъятиями» в нечто иное, отличное от традиционного понимания осуществления правосудия по гражданским делам в установленной процессуальной форме⁴. Предлагаемые реформой порядки разрешения правовых споров между сторонами представляют процедуры, весьма сходные с теми, по которым проходит рассмотрение дел третейскими судами. «...Этого вполне достаточно для эффективной и своевременной защиты нарушенного права, говорить о ее всеобъемлющем или универсальном характере, как в случае с государственными судами, не приходится»⁵. В приведенной цитате нужно только заменить «с государственными судами» на «ординарными принципами процессуальной формы» для постановки вопроса: все ли надлежащее поведение участников судопроизводства определяется процессуальной формой и все ли правила выражаются ею? Конечно, гражданской процессуальной форме присущи различные черты⁶, но одно из основных свойств гражданской процессуальной формы традиционно определялось как нормативность: гражданские процессуальные правоотношения имеют только правовой характер и существуют по общему правилу только в правовой форме. Насколько отношения участников разных видов производств станут определяться процессуальными кодексами или термин «процедура» законодателем не только станет использоваться в описании примирительных процедур, но и станет тождественным понятию «процесс» на следующих этапах реформирования процессуального законодательства?

Судебная практика в современных условиях не только выступает в качестве предварительной ступени к последующему нормативному регулированию, но и сама становится

непосредственным источником такого регулирования. За пределами определенных границ детализация законодательных актов теряет смысл и закон становится сборником казусов. Роль регламентов упрощенных процедур могут выполнять обзоры, которые применимы в ситуациях отсутствия процессуальных правил, к примеру восполняя рекомендациями не урегулированное в упрощенных производствах: внесенное законодателем изменение расширяет содержание принципа законности, понимая под нормами законодательства «...также... обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации»⁷. Изменившееся содержание принципа законности означает, что обязательные правила поведения для участников судопроизводства определяются и устанавливаются законодательством о судопроизводстве, частью которого в настоящее время являются обзоры Президиума ВС РФ. Оставшееся неизменным положение законодательства о том, что Верховный Суд Российской Федерации в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики⁸, подтверждает, что суд в равной мере применяет как материальное, так и процессуальное право и нарушение норм права приводит к судебным ошибкам, в результате чего наступают соответствующие процессуальные последствия. Учитывая частоту и регулярность обзоров, следует надеяться на то, что множественность примеров не станет множественностью отличных друг от друга правовых позиций в сходных делах и не превратится для участников судопроизводства в право и возможность софизмов в правосудии.

В статье затронуты вопросы, которые возникли у автора в попытке сформулировать первые итоги судебной (процессуальной) реформы. Автор предположил вектор изменений и тенденции, которые могут последовать после первого осмысления представлений о том, каким может стать правосудие в современных социально-экономических, нравственных условиях развития современного российского общества.

⁷ Ср. редакции абз. 3 ч. 4.1 ст. 198 ГПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 180 КАС РФ, ч. 4 ст. 170 АПК РФ (в ред. Федерального закона от 28.11.2018 № 451-ФЗ).

⁸ Часть 4 ст. 19 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации».

⁴ О пределах судебной защиты см., например: Ярков В.В. Разграничение предметов ведения между судами: ключевые новеллы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 31–37.

⁵ Подр. см.: Процедура третейского разбирательства. Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / отв. ред. В.В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. Гл. 30, § 3. М.: Статут, 2017.

⁶ Неперекаемость, системность, универсальность, властный характер, правоприменительный характер, обязательное участие суда.

Литература

1. Гражданский процесс: учебник для студентов вузов / Д.Б. Абушенко [и др.] ; ответственный редактор В.В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2017. 700 с.
2. Соломеина Е.А. Упрощенное производство в арбитражном процессе: пути совершенствования / Е.А. Соломеина // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 38–40.
3. Ярков В.В. Разграничение предметов ведения между судами: ключевые новеллы / В.В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 31–37.

Зипунникова

Юлия Николаевна,

старший преподаватель кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета
Zipunnikova@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-11-13

Процессуальные последствия ошибок при выборе вида судопроизводства и процессуальная форма: размышления постфактум

Статья посвящена изменениям процессуального законодательства в отношении процессуальных последствий неправильного выбора вида судопроизводства и влиянию таких изменений на понимание процессуальной формы.

Ключевые слова: вид судопроизводства, процессуальная форма, процесс.

Процессуальную реформу, длящуюся уже почти тридцать лет и получившую емкую характеристику «перманентной»¹, можно смело рассматривать в качестве «неисчерпаемого» источника для научных дискуссий и публикаций. При этом совершенно отчетливо прослеживается тенденция отсутствия обсуждения и апробирования наукой предложений по совершенствованию законодательства, в рамках которой произошла замена традиционной формулы «изменения — обсуждение — реализация» на «изменения — реализация — обсуждение». Следуя обозначенной направленности, в данной заметке хотелось бы остановить внимание на современном видении процессуальной формы в свете уже действующих в процессуальных кодексах последствий неправильного выбора (определения) вида судопроизводства.

В первоначальной редакции Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) 2002 г. закреплялось, что в случае выявления ошибки при определении вида судопроизводства на стадии возбуждения гражданского дела суд отказывает в принятии заявления (п. 1 ч. 1 ст. 134), а при обнаружении данного факта после возбуждения дела суд прекращает производство по делу (абз. 2 ст. 220). Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ) 2002 г., изначально не содержащий институт отказа в принятии искового заявления, впоследствии воспринял модель ГПК РФ по решению

данного вопроса. В отношении же Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ) 2015 г. необходимо отметить, что в нем изначально были продублированы положения «материнского» акта.

Ситуация с правовыми последствиями неправильного определения вида судопроизводства изменилась после принятия Федерального закона Российской Федерации от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В соответствии с действующей редакцией АПК РФ и КАС РФ суд, установив на стадии возбуждения, что дело подлежит рассмотрению в порядке конституционного или уголовного судопроизводства, отказывает в принятии заявления (п. 1 ч. 1 ст. 127.1 АПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 128 КАС РФ). В ГПК РФ в п. 1 ч. 1 ст. 134 добавлено, что суд обязан отказать в принятии заявления в случае его рассмотрения и в порядке производства по делам об административных правонарушениях. При установлении таких ошибок при выборе судопроизводства уже после возбуждения дела суд прекращает производство по делу (п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 194 КАС РФ, ст. 220 ГПК РФ).

Во всех остальных случаях при ошибке в выборе вида судопроизводства (гражданского, административного) в качестве инструмента их устранения в зависимости от стадии, на которой была обнаружена ошибка, выступают институты возвращения искового заявления (п. 2 ч. 1 ст. 129 КАС РФ, п. 1 ч. 1 ст. 129 АПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ), передачи дела в другой суд (ст. 27 КАС РФ, ст. 39 АПК РФ, ст. 33 ГПК РФ),

¹ Сахнова Т.В. О разделенности и взаимосвязи права и процесса // Вестник гражданского процесса. 2019. № 6. С. 13.

разделение требований и переход на рассмотрение по правилам гражданского судопроизводства (ст. 16.1 КАС РФ, ст. 22 ГПК РФ).

Внесенные изменения в процессуальные кодексы в 2018 г. логично вписывались в последовательно проводимые в течение последних трех лет Верховным Судом Российской Федерации действия по установлению для судов общей юрисдикции и арбитражных судов сходных судебных процедур рассмотрения дел в порядке гражданского и административного судопроизводства. Цель действий заключалась в сближении подсистем судов общей юрисдикции и арбитражных судов посредством унификации и оптимизации процедур и правил, применяемых при разрешении споров и иных юридических дел. Кроме того, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, «достигнутое единообразие позволяет сделать очередной шаг к совершенствованию процессуального законодательства, регулирующего рассмотрение судами общей юрисдикции и арбитражными судами гражданских и административных дел, которое направлено не только на дальнейшее сближение процессов, но и на их модернизацию»².

По большому счету Верховный Суд Российской Федерации констатирует, что каких-либо значительных различий между непосредственно гражданским и административным судопроизводством не существует и не имеет значения, какой суд применяет ту или иную судебную процедуру — суд общей юрисдикции или арбитражный суд.

В связи с этим возникают вопросы о существовании отдельного самостоятельного административного судопроизводства, отличного от гражданского; отдельного самостоятельного арбитражного процесса, отличного от гражданского. Ответы на данные вопросы и их теоретическое осмысление, как представляется, необходимы для эффективного правового регулирования процессуальных правил и процедур. Не об-

легчают поиск ответов и последние поправки в Конституцию Российской Федерации, закрепившие в ч. 2 ст. 118, наряду с уже привычными видами правосудия, арбитражное судопроизводство. Означает ли данное изменение появление или подтверждение уже де-факто существовавшего самостоятельного вида судопроизводства?

Формулировка ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации и до внесения изменений вызвала различные вопросы: что есть конституционное, гражданское, административное и уголовное судопроизводство — виды правосудия, типы судопроизводства, средства и формы осуществления судебной власти? И что имел в виду законодатель, перечисливший в ч. 2 ст. 118 именно эти виды? Их самостоятельность, отсутствие иных видов судопроизводства? Принятие в 2015 г. КАС РФ внесло в толкование данной статьи еще большую сумятицу, поскольку стало совершенно непонятно, куда относить производство об административных правонарушениях, если под административным судопроизводством теперь понимается порядок рассмотрения и разрешения административных дел, перечисленных в КАС РФ, судами общей юрисдикции (ст. 1 КАС РФ).

Прежде чем определиться с наличием арбитражного судопроизводства, административного судопроизводства и их самостоятельностью, а также наличием присущих для этих видов судопроизводства процессуальных форм, необходимо осмыслить используемые категории «судопроизводство», «процесс» и их соотношение.

Говоря о соотношении категорий «судопроизводство» и «процесс», необходимо отметить, что в науке отсутствует единый подход к решению данного вопроса. Традиционно данные термины рассматривались как синонимы³. В 60-е годы XX в. Н.Б. Зейдером была сформулирована теория, получившая впоследствии название «широкое понимание гражданского процесса», в рамках которой под гражданским судопроизводством понималась деятельность суда общей юрисдикции по рассмотрению и разрешению гражданских дел, а под гражданским процессом — деятельность всех юрисдикционных органов (включая и КТС,

² Пояснительная записка к проекту федерального закона № 383208-7 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/>

³ См., например: Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. 1. М., 1913. С. 4–5.

нотариат, арбитраж, др.) по рассмотрению и разрешению гражданских дел⁴.

Представляется, что в настоящее время необходимо при ответе на вопрос о соотношении данных категорий учитывать следующее.

Всякое судопроизводство представляет собой деятельность судов по рассмотрению нуждающихся в государственно-властном разрешении дел. Но судопроизводство становится самостоятельным только в том случае, когда данному судопроизводству присущ свой, специфический, отличный от других порядок рассмотрения и разрешения дел (процессуальная форма). И только при наличии самостоятельной процессуальной формы судопроизводство становится самостоятельным процессом. В математическом виде данный тезис можно выразить в следующей формуле: судопроизводство + процессуальная форма = процесс. В литературе высказано мнение, что соотношение категорий «судопроизводство» и «процесс» представлено как «содержание» и «форма»⁵. Такое утверждение в целом верно, учитывая, что любое правовое явление может рассматриваться в виде «формы» или «содержания»⁶, но рассмотрение процесса в таком ракурсе в качестве формы существования судопроизводства несколько

механистично, оно упрощает и нивелирует объем данной правовой категории. При этом процесс не является только оболочкой существования судопроизводства, а выступает в качестве самостоятельного правового явления, которое в идеальном мире, отбрасываясь в виде категории «процесс», имеет свое содержание (судопроизводство) и форму (процессуальная форма). «Процесс» как правовая категория представляет собой деятельность суда по рассмотрению нуждающихся в государственно-властном разрешении дел, но деятельность нормативно упорядоченную. Именно процессуальная форма, выступая в качестве неотъемлемого элемента процесса, делает судопроизводство процессом.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о таких самостоятельных процессах, как конституционный, уголовный, так как есть присущие им виды судопроизводства и нормативно закрепленные, отличные друг от друга порядки рассмотрения и разрешения дел (Федеральный конституционный закон РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации», Уголовно-процессуальный кодекс РФ). Для гражданского, административного (базирующегося исключительно на «материнском» гражданском судопроизводстве) и арбитражного (представляющего сумму гражданского и административного судопроизводства) судопроизводства, по сути, отсутствуют специфические отдельные самостоятельные процессуальные формы, все эти виды судопроизводства облекаются в единую гражданскую (цивилистическую) процессуальную форму (продублированную в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ), образуя единый гражданский (цивилистический) процесс.

⁴ Зейдер Н.Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права // Известия вузов. Правоведение. 1962. № 3. С. 69–82.

⁵ С.К. Загайнова использует данное утверждение применительно к соотношению понятий «гражданский и арбитражный процесс» и «гражданское судопроизводство». См. подробнее: Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М., 2007. С. 72–73.

⁶ См.: Жеруолис И. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, 1969.

Литература

1. Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса. Т. 1. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия / Е.В. Васильковский. Москва : Бр. Башмаковы, 1913. 691 с.
2. Жеруолис И. Сущность советского гражданского процесса / И. Жеруолис. Вильнюс : Минтис, 1969. 203 с.
3. Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе / С.К. Загайнова. Москва : Волтерс Клувер, 2007. 389 с.
4. Зейдер Н.Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права / Н.Б. Зейдер // Известия вузов. Серия: Правоведение. 1962. № 3. С. 69–82.
5. Сахнова Т.В. О разделенности и взаимосвязи права и процесса / Т.В. Сахнова // Вестник гражданского процесса. 2019. № 6. С. 11–26.

**Бараданченкова
Наталья Евгеньевна,**
старший преподаватель кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета
baradanchenkova@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-14-16

Некоторые практические вопросы передачи дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами

Статья посвящена анализу некоторых практических вопросов передачи дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, в том числе затрагивает аспекты оснований передачи, последствий принятия обеспечительных мер и совершения некомпетентным судом иных процессуальных действий, а также возможным перспективам развития данного института.

Ключевые слова: судебная власть, компетенция, подсудность, передача дел по подсудности, обеспечительные меры.

Процессуальная реформа 2018–2020 гг., которая, безусловно, воплотила в жизнь интересные и перспективные нормативные подвижки, не обошла стороной и вопросы судебной компетенции. Обсуждаемая долгое время в научной литературе и юридической практике интенция к обеспечению возможности передачи дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами¹ воплотилась в нормативном регулировании ст. 33 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) и ст. 39 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ).

При этом законодатель пошел по весьма простому и логичному пути: техническое упразднение термина «подведомственность» и приведение в целом всех правил судебной компетенции под один знаменатель «подсудности» опосредовало закрепление данной новеллы о возможности передачи дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами в нормах, которые ранее определяли только порядок передачи дел между судами по правилам территориальной компетенции.

Нормы ч. 2.1 ст. 33 ГПК РФ и ч. 4 ст. 39 АПК РФ закреплены предельно общим образом, и основания к передаче дел отданы на откуп суда, рассматривающего дело, а это, безусловно, ведет к возможности оперирования фактами и обстоятельствами в

сторону желаемой юрисдикции, что должно оцениваться, скорее всего, в позитивном русле, поскольку в имеющейся тенденции к усложнению некоторых споров, особенно вытекающих из корпоративного участия или банкротных процедур, может привести к размыванию устоявшихся критериев разграничения внутрисистемной подсудности² и, возможно, как следствие, к объединению судебных систем.

Как и любое другое нормативное регулирование, обрастая судебной практикой и фактической конъюнктурой, обсуждаемое законоположение имеет потенциал дальнейшего развития, не лишенный некоторых теоретических вопросов. Судебная практика исходит из того, что арбитражные суды *a priori* не рассматривают дела с участием физических лиц, означает ли это, что заявление стороной ходатайства о привлечении к участию в качестве соответчика лица без статуса индивидуального предпринимателя всегда будет подразумевать в перспективе передачу дела в суд общей юрисдикции для рассмотрения по существу? И, наоборот, заставит ли выявление в ординарном деле о взыскании задолженности по договору займа обстоятельств наличия корпоративного конфликта и того, что рассматриваемые правоотношения являются элементом оптимизации бизнес-процессов, суд общей юрисдикции передать дело для рассмотрения в арбитражный суд по правилам гл. 28.1 АПК РФ.

¹ Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М.: Статут, 2006. С. 39; Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб.: Изд-во юридического факультета С.-Петербургского государственного университета, 2005. С. 134; Пономаренко В.А. О процессуальных последствиях нарушений компетенции судов общей и арбитражной юрисдикции // Закон. 2013. № 3. 107–109; и др.

² В данном случае подразумеваются выработанные критерии разграничения подведомственности (теперь — внутрисистемной подсудности) между судами общей юрисдикции и арбитражными судами: субъективный состав и характер спорного материального правоотношения.

При этом если ранее до судебной реформы ответ на поставленные вопросы был предельно категоричен: в первом случае производство по делу прекращалось со ссылкой на ст. 150 АПК РФ³, во втором — дело продолжалось рассмотрением конкретного иска без исследования сопровождающих спор событий и обстоятельств, то сейчас в любой критичной ситуации судья может «подстраховаться» и, не нарушая принципа доступности правосудия, передать спор на рассмотрение другого суда, компетентного в рассмотрении всей совокупности фактических отношений и разрешении сути возникшего конфликта между сторонами. Более того, Верховный Суд Российской Федерации в последнем Обзоре судебной практики от 8 июля 2020 г. рекомендовал судам в рамках своих дискреционных полномочий выходить за пределы заявленных требований и инициативно предлагать сторонам предоставить дополнительные доказательства в случае выявления обстоятельств совершения мнимых сделок, незаконных финансовых операций и злоупотребления правом в нарушение требований ст. 10 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ).

Другой животрепещущий вопрос в аспекте передачи дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами — концентрация дел с участием банкрота в арбитражном суде, рассматривающем дело о его несостоятельности. Сама по себе идея не нова, положительные моменты уже давно обсуждаются на страницах юридической литературы⁴: при этом выделяются и обеспечение равной защиты имущественных интересов всех кредиторов должника, и рассмотрение спора в контексте всей совокупности предбанкротных отношений, и «понятийный» подход к спору с соблюдением баланса интересов заинтересованных лиц.

В условиях действия исключительной компетенции арбитражных судов на рассмотрение дел о несостоятельности (банкротстве) и появления в процессуальном законодательстве новеллы о передаче дел между судами общей юрисдикции и арбитражными

судами полагаем возможным закрепление в числе оснований ч. 2.1 ст. 33 ГПК РФ и ч. 4 ст. 39 АПК РФ условия о признании ответчика несостоятельным (банкротом).

В целом вопрос определения компетентного суда всегда являлся ключевым в вопросе о порядке реализации права на судебную защиту и обеспечении надлежащего судопроизводства. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал фундаментальное для правосудия значение надлежащего выбора суда и судьи и недопустимость произвольного изменения законной подсудности⁵.

Принятие иска к производству с нарушением правил судебной компетенции относится к категории судебной ошибки, которая устраняется путем передачи дела на рассмотрение суда, к подсудности которого оно отнесено законом. Правовым последствием принятия решения по делу с нарушением правил межсистемной подсудности является безусловная отмена постановленного судебного акта в судах вышестоящей инстанции. Однако распространяется ли данная норма на случаи обжалования промежуточных судебных актов, принятых судом до момента передачи дела по правилам ч. 2.1 ст. 33 ГПК РФ и ч. 4 ст. 39 АПК РФ, например определения о принятии обеспечительных мер?

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 за 2019 г.⁶ отмечено, что определение об обеспечении иска либо применении мер предварительной защиты сохраняет свою силу и после передачи дела в суд общей юрисдикции либо арбитражный суд.

Полагаем, что данное разъяснение вполне логично при доказанности совершения ответчиком противоправных действий и реальности угрозы невозможности исполнения решения суда. Тем не менее, крайне важно принимать во внимание, что в связи с передачей по подсудности дело рассматривается с самого начала по имеющимся в материалах дела документам, в том числе тем, которые поступили в суд от ответчика после принятия искового заявления к производству и явились основанием для вывода о несо-

³ См. п. 3. Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 18 августа 1992 г. № 12/12, п. 13 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8, Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2014) и т.д.

⁴ Проблемы развития процессуального права России / под ред. В.М. Жуйкова. М. : Норма, 2016; Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве : монография. М. : Статут, 2020. С. 106–107.

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 1998 г. № 9-П; Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2007 г. № 623-О-П, от 15 января 2009 г. № 144-О-П и т.д.

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 за 2019 г. : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 декабря 2019 г.

блюдении правил судебной компетенции. В указанных обстоятельствах, полагаем, что вопрос об обосновании принятия обеспечительных мер, их соразмерности и обеспечении баланса интересов заинтересованных лиц должен быть рассмотрен судом повторно в порядке ст. 144 ГПК РФ и ст. 97 АПК РФ.

Таким образом, как мы видим, институт передачи дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, действительно, положительно проявляется в вопросе обеспечения доступности правосудия и, безусловно, имеет потенциал к дальнейшему развитию в аспекте сближения судебных юрисдикций и специализации судопроизводства.

Литература

1. Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию / В.М. Жуйков. Москва : Статут, 2006. 281 с.
2. Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве : монография / Ю.Д. Подольский. Москва : Статут, 2020. 169 с.
3. Пономаренко В.А. О процессуальных последствиях нарушений компетенции судов общей и арбитражной юрисдикции / В.А. Пономаренко // Закон. 2013. № 3. С. 101–112.
4. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. Санкт-Петербург : Изд. дом Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2005. 669 с.
5. Проблемы развития процессуального права России / под редакцией В.М. Жуйкова. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2016. 223 с.

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-16-18

К вопросу об императивной подведомственности в современном гражданском процессе

В статье обоснована позиция о сохранении понятия «императивная подведомственность» в современном гражданском процессе с учетом новелл процессуального законодательства по Федеральному закону от 28 ноября 2018 г. № 451. На примере правоотношений, вытекающих из ОСАГО, аргументирована целесообразность и эффективность укрепления и развития института императивной подведомственности.

Ключевые слова: доступность судебной защиты, императивная подведомственность, финансовый уполномоченный.

Одной из основных целей процессуальной реформы было провозглашено снижение нагрузки на судебную систему. Именно это послужило обоснованием расширения сферы применения приказного и упрощенного производства, усиления значения примирительных процедур. Представляется, что механизм императивной подведом-

ственности также может быть эффективным средством достижения поставленной задачи.

В литературе обосновано, что само по себе исключение термина подведомственности из Гражданского процессуального кодекса РФ и Арбитражного процессуального кодекса РФ вовсе не исключает его из по-

нятийного аппарата процессуального права¹. В частности, термин «подведомственность» сохраняет свое значение для разграничения компетенции судов и иных юрисдикционных органов.

Классическое понимание императивной подведомственности предполагает обязательный досудебный порядок разрешения спора: на первом этапе дело подлежит разрешению компетентным юрисдикционным органом, и лишь после этого заинтересованное лицо может реализовать право на судебную защиту². Очевидно, что при условии высокого качества работы соответствующих органов большинство дел будет разрешено уже на досудебной стадии и необходимость судебной защиты попросту отпадет.

Одним из ярких примеров развития законодательства в указанном направлении можно назвать новые правила об обязательном досудебном разрешении споров о возмещении ущерба по правилам ОСАГО. С 1 июня 2019 г. споры между автовладельцами и страховыми компаниями, независимо от размера требований, разрешаются с участием службы финансового уполномоченного. Таковы требования Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, в каких случаях досудебный порядок считается соблюденным³:

- наличие решения финансового уполномоченного;
- принятие финансовым уполномоченным решения в установленный срок;
- отказ в принятии обращения или прекращение рассмотрения обращения финансовым уполномоченным, по мотиву неотносимости требования к его компетенции.

К положительным моментам новых правил рассмотрения споров по ОСАГО следует

отнести возможность принудительного исполнения решения финансового уполномоченного на основании специального удостоверения, которое выдает непосредственно сам финансовый уполномоченный и которое имеет силу исполнительного документа.

Анализ статистики за 2019 г. позволяет утверждать, что с начала работы службы финансового омбудсмана количество судебных споров по договорам ОСАГО и КАСКО сократилось в судах на 40%.

Оценивая указанные новеллы в целом положительно, нельзя не отметить, что институт финансового уполномоченного следует рассматривать именно как элемент досудебного порядка урегулирования споров, но не безусловную альтернативу судебной защиты.

1. Во-первых, в компетенцию финансового уполномоченного не входит рассмотрение вопросов о компенсации морального вреда, возмещении убытков в виде упущенной выгоды, а также взыскание различных финансовых санкций. Указанные требования по-прежнему подлежат разрешению в судебном порядке, что обусловлено их правовой природой. Взыскание морального вреда либо упущенной выгоды требует полноценного доказывания их наличия, установления размера и т.д. Рассмотрение дела финансовым омбудсменом по общему правилу производится в заочной форме и не предполагает возможности комплексного предоставления и исследования доказательств.

2. Во-вторых, в случае несогласия с решением финансового уполномоченного как потребитель, так и страховая компания имеют право на обращение в суд. В данном случае спор будет разрешаться по общим правилам искового производства. Какого-либо специального механизма обжалования решений финансового уполномоченного процессуальное законодательство не предусматривает. Такое положение дел соответствует традиционным правилам императивной подведомственности: в случае несогласия с решением КТС по трудовым спорам (ст. 390 Трудового кодекса РФ) либо с решением налоговых органов (ст. 138 Налогового кодекса РФ) заинтересованное лицо также может реализовать право на судебную защиту по общим правилам искового производства.

Если с решением финансового управляющего не согласна финансовая организация, возникает проблема определения компетентного суда. Согласно ст. 26 № 123-ФЗ, в случае несогласия с решением финансового

¹ Ярков В.В. Разграничения предметов ведения между судами: ключевые новеллы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 31–38.

² Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1974. С. 9.

³ Разъяснения по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» : утверждены Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 марта 2020 г.

уполномоченного финансовая организация вправе обратиться в суд в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации. Данная норма вызывала противоречивое толкование в судебной практике. Иски подавались и рассматривались как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами. Разъяснения ВС РФ от 18 марта 2020 г. сняли указанную коллизию. Верховный Суд Российской Федерации четко указал, что рассмотрение таких требований производится судами общей юрисдикции по общим правилам производства в суде первой инстанции.

Однако в п. 89 Постановления от 26 декабря 2017 г. № 58 дано противоположное толкование: дела по спорам, возникающим из договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и связанным с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, подлежат рассмотрению арбитражным судом⁴. Во исполнение данных разъяснений арбитражные суды длительное время рассматривали споры о возмещении имущественного ущерба в порядке ОСАГО, если их субъектами являлись юридические лица и индивидуальные предприниматели. Такая противоречивость позиции Верховного Суда Российской Федерации вызывает недоумение. На наш взгляд, отнесение указанной категории споров к компетенции судов общей юрисдикции является наиболее оптимальным и теоретически обоснованным.

⁴ Постановление Пленума ВС РФ от 26 декабря 2017 г. № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». П. 89 // Российская газета. 2017. 29 декабря.

Этот подход обусловлен правовой характеристикой спора о возмещении ущерба как не связанного с предпринимательской и иной экономической деятельностью.

В заключение отметим, что вопросы целесообразности применения правил императивной подведомственности в гражданском процессе обсуждались в классической доктрине и сохраняют свою актуальность на современном этапе. Следует согласиться с В.В. Ярковым в том, что России необходимы приватизация отдельных направлений правоприменительной деятельности, развитие альтернативных форм юстиции, работающих под публичным контролем⁵. Верно отмечает К.А. Чудиновских: «Надлежащее правовое регулирование института подведомственности является неотъемлемой составляющей в достижении доступности правосудия»⁶.

Безусловно, предварительное разрешение споров административными органами не может и не должно стать общим правилом. Однако представляется возможным расширить сферу применения правил императивной подведомственности. В частности, логичным видится их применение в отношении потребительских споров с незначительной ценой иска. Думается, что проанализированные ограничения доступности судебной защиты являются вполне обоснованными и соответствуют современным российским реалиям.

⁵ Ярков В.В. Цели судопроизводства и доступ к правосудию // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. И.А. Приходько. М., 2001.

⁶ Чудиновских К.А. Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права. СПб., 2004. С. 7.

Литература

1. Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел : автореферат диссертации доктора юридических наук / Ю.К. Осипов. Свердловск, 1974. 34 с.
2. Чудиновских К.А. Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права / К.А. Чудиновских. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. 306 с.
3. Ярков В.В. Разграничения предметов ведения между судами: ключевые новеллы / В.В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 31–37.
4. Ярков В.В. Цели судопроизводства и доступ к правосудию / В.В. Ярков // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 31 января — 1 февраля 2001 г.) / ответственный редактор И.А. Приходько. Москва : Лиджист, 2001. 399 с.

Решетникова

Ирина Валентиновна,
 председатель Арбитражного суда
 Уральского округа,
 профессор кафедры
 гражданского процесса
 Уральского государственного
 юридического университета,
 доктор юридических наук
 i09.ireshetnikova@arbitr.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-19-20

Профессиональное представительство в российских судах: практика применения

В статье раскрыты исключения из профессионального представительства в суде (правила об обязательности наличия у представителя в суде высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности). Указанное требование не распространяется на патентных поверенных по спорам, связанным с правовой охраной результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, арбитражных управляющих при исполнении возложенных на них обязанностей в деле о банкротстве. Исключением из общего правила является также законное представительство, представительство организаций органами юридических лиц. Однако руководитель представительства (филиала) юридического лица обязан представлять суду документы о высшем юридическом образовании или об ученой степени по юридической специальности. Аудитор или член торгово-промышленной палаты должны иметь высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности в случае выполнения представительских полномочий в суде.

Ключевые слова: высшее юридическое образование, ученая степень по юридической специальности, законный представитель, представительство организаций, филиалов и представительств.

На излете 2018 г. был принят Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — 451-ФЗ), вступивший в силу с 1 октября 2019 г. Одной из ярких новаций названного закона стало введение профессионального представительства в российское судопроизводство. Как известно, первая попытка ввести профессиональное представительство была предпринята в 2002 г. Так, во вновь принятом АПК¹ действовала норма, согласно которой представительство в суде могли осуществлять лица, состоящие в штате представляемых организаций, либо адвокаты (ч. 5 ст. 59 Арбитражного процессуального кодекса РФ 2001 г.). Затем данная норма была отменена.

В силу 451-ФЗ и ч. 3 ст. 59 АПК представителями граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций могут выступать в арбитражном суде адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Назовем данное требование общим правилом профессионального представительства в современном российском суде.

Такой подход ломал действовавшую многие годы практику: представителем по

делу мог быть тот, кто лучше всего владел ситуацией для защиты интересов в суде. К примеру, налоговые инспекторы представляли интересы ФНС РФ, бухгалтеры — интересы предприятий и проч. Сразу возник вопрос: а могут ли данные лица по-прежнему участвовать в судебных заседаниях в качестве представителей? Буквальное толкование закона не позволяло дать положительный ответ. Тогда арбитражные суды стали допускать таких лиц в процесс, не называя их процессуально-правовой статус. С одной стороны, такие лица и не свидетели, и не специалисты, так как имеют определенную степень заинтересованности. В итоге спорную ситуацию разрешил Конституционный Суд РФ, разрешивший учредителю (участнику) организации или работнику, не имеющему высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности, принимать участие в судебном разбирательстве. Но при определенном условии одновременно интересы этой организации в арбитражном суде представляют также адвокаты или иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие такое образование либо такую степень².

¹ АПК — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.

² Пункт 7 постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2020 г. № 37-П по делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 59, ч. 4 ст. 61 и ч. 4 ст. 63 АПК РФ в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К.В. Бударина.

Законодательно предусмотрены исключения из требования об обязательном профессиональном представительстве. В частности, одно из таких исключений указано в ч. 3 ст. 59 АПК РФ. Бесспорным исключением из рассматриваемого общего правила является участие в процессе законных представителей. Но в том случае, если родитель, усыновитель, опекун или попечитель решили привлечь представителя по договору, последний должен соответствовать рассматриваемым требованиям.

Точно так же логичным представляется отход от требования закона об обязательном профессиональном представителе при участии руководителей организаций по делам данных организаций. Небесспорным в судебной практике является распространение этого же исключения на руководителей филиала (представительства) юридического лица при представлении их интересов в суде.

Как известно, филиалы и представительства — это обособленные подразделения юридического лица, расположенные вне места его нахождения. В Уральском судебном-арбитражном округе применяется следующий подход: поскольку руководитель представительства (филиала) юридического лица является представителем такого юридического лица, соответственно, в силу ч. 4 ст. 61 АПК РФ обязан представлять суду документы о высшем юридическом образовании или об ученой степени по юридической специальности³. Правильность такого подхода проверит судебная практика.

Поскольку ликвидационная комиссия принимает на себя управление делами соответствующего юридического лица, то также подпадает под исключение из общего правила об обязательности профессионального представительства.

Верховный Суд Российской Федерации на основании конкуренции ст. 36 Закона о несостоятельности (банкротстве) и ч. 3 ст. 59 АПК РФ (как соответственно специальной и общей норм) пришел к выводу, что требования о профессиональном представительстве не распространяются на лиц, выступающих

³ Рекомендации Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Уральского округа от 5 июня 2020 г.

Литература

1. Решетникова И.В. Постатейный комментарий к АПК РФ (глава 6) / И.В. Решетникова // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 1. С. 100–132.
2. Ширвиндт А.М. Актуальные вопросы представительства. Комментарий к п.п. 122–132 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» / А.М. Ширвиндт // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 12. С. 61–144.

представителями по делу о банкротстве (ч. 2 ст. 3 АПК РФ)⁴.

В судебной практике возник вопрос: должен ли аудитор или член торгово-промышленной палаты соответствовать требованиям о профессиональном представителе? Ответ в судебной практике положительный — должен.

Все представители, на кого распространяется положение ч. 3 ст. 59 АПК, обязаны представить доказательства наличия у них высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности. Какими документами надлежит подтверждать наличие высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности, полностью раскрыто Верховным Судом РФ⁵.

Применительно к адвокатам достаточно представления ими документов, удостоверяющих статус адвоката в соответствии с федеральным законом и их полномочиями (ч. 3 ст. 61 АПК). Статус адвоката уже свидетельствует о наличии у него квалификации, позволяющей профессионально оказывать юридическую помощь, которая подтверждена решением соответствующей квалификационной комиссии⁶.

Вместе с тем ошибочно довольствоваться тем, что квалификационные требования сотрудника предполагают обязательное наличие у него высшего юридического образования. На практике немало примеров, когда лицо занимает должность, по которой квалификационными требованиями предусмотрено наличие высшего юридического образования, но у соответствующего сотрудника отсутствует таковое⁷. В связи с этим в суд должны быть представлены доказательства наличия высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности.

⁴ Вопрос 4 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ, утв. Президиумом ВС РФ от 10 июня 2020 г. № 1 (2020).

⁵ Вопрос 6 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2019).

⁶ Вопрос № 15 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 28 марта 2018 г. № 3.

⁷ Решетникова И.В. Постатейный комментарий к АПК РФ (глава 6) // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 1. С. 100–132.

Скуратовский**Михаил Львович,**

доцент кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
заслуженный юрист Российской
Федерации,
кандидат юридических наук
SKyML@ya.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-21-23

Поверенный как лицо арбитражного процесса

Предметом статьи является специфика представительства в арбитражном процессе, требующая от лиц, участвующих в судебном заседании, наличия не только юридических, но и иных знаний, в том числе об экономической подоплеке спора. Автором предлагаются пути нормативного совершенствования норм АПК о представительстве на основе дифференциации представителей по объему полномочий.

Ключевые слова: представительство, поверенный, судебное заседание, объем полномочий.

*Лучшая возможность узнать, можешь ли ты
доверять человеку, — довериться ему.*

Эрнест Хемингуэй

Действующая с 1 октября 2019 г. норма ч. 3 ст. 59 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ, АПК) расценивается юридическим сообществом как первый шаг по внедрению в российский цивилистический процесс элементов так называемого профессионального представительства.

По поводу этой нормы существуют разные мнения, но задачей настоящей статьи является исправление недочета, касающегося участия в арбитражном процессе лиц, не обладающих таким достоинством, как высшее юридическое образование, пусть во многих случаях — и не очень качественное.

Речь идет о тех, кого Верховный Суд Российской Федерации, инициируя реформу представительства в арбитражных судах, назвал «поверенными»: Постановлением Пленума от 3 октября 2017 г. № 30 предлагалось ввести в АПК новую ст. 63.1 «Участие в деле поверенного», в соответствии с которой юрист мог приводить с собой в арбитражный суд этого самого поверенного, в основном для дачи объяснений суду.

По мнению автора, это был правильный шаг, но невысокая «техничность» нормы сыграла с ней злую шутку: рецензенты проекта — Правительство

Российской Федерации (см., например, Письмо от 2 февраля 2018 г. № 856п-П4) и Правовое управление Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации раскритиковали размытый статус поверенного, который и объяснения мог давать (какие объяснения?), и судебные извещения и акты получать. Почему не был доработан законопроект в этой части по совершенно здравым замечаниям ответственных рецензентов, автору неизвестно.

Сразу необходимо очертить круг правоотношений, в которые автор предлагает «кооптировать» свои выводы. По мнению автора, образовательный ценз для представителей в арбитражном процессе касается только участия в судебном заседании. Не может (нет таких установлений в законе) суд не принимать поступившее в суд заочно заявление истца об изменении предмета иска или отзыв ответчика с признанием иска, к которым приложена доверенность с соответствующими полномочиями только по одной причине: отсутствие в приложении к заявлению диплома юриста.

Что составляет фактическое содержание судебных заседаний? Ответ: «судоговорение» — в ходе его обсуждают, дискутируют, вопрошают, показывают,

читают, изучают, осматривают и т.п. представители спорщиков и собственно — суд. В результате этого процесса у судьи формируются выводы, которые впоследствии считаются истиной (в юридическом смысле).

Нужен ли в таком аспекте еще кто-то кроме юриста? Иногда нужен. Зачем? А просто потому, что юрист далеко не всегда обладает полной информацией о споре¹, в том числе — специфической (финансовой, экономической, технической)², и, соответственно, не может полноценно участвовать в прениях или оценивать те или иные доказательства, представляемые противником.

Какой выход? Сразу напрашивается — а пусть с юристом сам истец (или ответчик) приходит, он-то все знает. Это верно, но только для общегражданского процесса, а для арбитражного такой вариант не всегда приемлем. Ведь в большинстве споров участвуют юридические лица и часто — не маленькие. Какой смысл вести на каждое заседание генерального директора, если даже смысл его участия под вопросом: он может тоже не знать нюансы отношений.

А в каком процессуальном качестве можно привести, например, своего бухгалтера?

Как свидетель, бухгалтер может много интересного для суда рассказать, но ведь свидетель в прениях участвовать не может, он, скорее, объект процесса. Как эксперт или специалист? Исключено: кто ж из здравых судей назначит работников организаций-спорщиков на эти важные участки процесса. Дать объяснения суду? Но статья 81 АПК РФ субъектом объяснений называет только лиц, участвующих в деле, представители же ни в каком качестве не могут быть идентифицированы полностью с такими лицами. Да и объяснение предполагается как некое «замороженное» средство, похожее на свидетельские показания: дал объяснения — садись на свое место, соответственно, в прениях

¹ Юристы, как правило, вступают в «дело», когда уже все, что можно, нарушено.

² Экономическая деятельность предполагает много чего, что самый опытный юрист не знает и знать не может, да и не должен.

не поучаствуешь, вопросы по фальсификации доказательств не задашь.

Вот именно в таких ситуациях и нужен поверенный — как лицо, не только являющееся источником информации, но и обладающее способностью реализовать процессуальные права в сегменте судебного доказывания. Ведь именно представитель является субъектом гражданского процессуального доказывания, тогда как «все иные участники процесса доказывания (свидетели, эксперты, специалисты и другие) играют вспомогательную роль в процессе доказывания»³.

Может возникнуть вопрос: так пусть юрист и отвечает полностью за доказывание, для того и введено профессиональное представительство, ведь судебный процесс — это юридическая деятельность, юристы: судьи и представители говорят на одном языке, поймут друг друга всегда?! Это, конечно, так, но «ему (судебному познанию. — *Прим. авт.*)... не чуждо и присутствие интуиции»⁴.

И автор, как человек, имеющий значительный опыт рассмотрения споров в качестве судьи арбитражного суда, эту мысль подтверждает: иногда в решении спора судье помогает не только представитель-юрист (логика действий которого судье как тоже юристу понятна), но и представители, эмоционально поучествовавшие в судебных прениях и волей-неволей «выдавшие» подноготную спора.

Пока автор «укладывал» в голове приведенные выше мысли и оформлял их на бумаге, судьи Конституционного Суда Российской Федерации в Постановлении от 16 июля 2020 г. № 37-П изложили тот же взгляд: не став признавать неконституционной норму ч. 3 ст. 59 АПК РФ (в 2004 г. уже был прецедент), фактически признали «недоговоренность» нормы и разрешили представительство в судебных заседаниях арбитражных судов специалистов органи-

³ Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве : Избранное. М. : Статут, 2019. С. 242.

⁴ Комиссаров К.И. Творческий характер судебной деятельности // Правоведение. 1976. № 3. Цит. по кн. : Краткая антология уральской процессуальной мысли: 55 лет кафедре гражданского процесса УрГЮА / под ред. В.В. Яркова. Свердловск : Изд-во Гуманитарного университета, 2004. С. 98.

заций, но непременно с представителями-юристами, как это изначально и предлагал Верховный Суд Российской Федерации.

Несмотря на такое понятное и справедливое решение вопроса о представительстве именно в арбитражном процессе, его характер (достаточно свободное разъяснение закона) может помешать ему выполнять ту же функцию, что есть и у нормы закона. Поэтому автор считает, что полностью возникшая проблема может быть разрешена только при дальнейшем совершенствовании закона, путем дифференциации представителей по объему их полномочий. В доктрине процессуального права практически неоспоримой является такая аксиома: «...объем полномочий представителя определяется и тем, какие именно из имеющихся у доверителя полномочий ему были переданы»⁵.

К первой («высшей») группе представителей должны быть отнесены соб-

ственно стороны и третьи лица, как физические, так и юридические, в лице своих органов и, несомненно, юристы. Такие представители могут обладать полным объемом процессуальных полномочий.

Вторая группа — это те представители, которых приводит с собой в заседание представитель-юрист. Их полномочия — участие в исследовании доказательств и судебных прениях без права самостоятельного заявления процессуальных ходатайств.

И в третью можно отнести тех представителей, в задачу которых будет входить осуществление так называемых технико-юридических полномочий в процессе: получать судебные извещения и акты, знакомиться с материалами дела. Такими представителями могут быть помощники адвоката, юрисконсульта, стажеры и т.п.

В таком виде представительство в арбитражном процессе должно приобрести контуры системности.

⁵ Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. В.В. Ярков. М. : Статут, 2017. Автор цитаты — В.В. Ярков. С. 141.

Литература

1. Арбитражный процесс : учебник для студентов вузов / А.В. Абсалямов [и др.] ; ответственный редактор В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2017. 750 с.
2. Комиссаров К.И. Творческий характер судебной деятельности // Правоведение. 1976. № 3. // Краткая антология уральской процессуальной мысли: 55 лет кафедре гражданского процесса УрГЮА / под редакцией В.В. Яркова. Свердловск : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2004. 652 с.
3. Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве : избранное / И.В. Решетникова. Москва : Статут, 2019. 507 с.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: 8 (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru

Иванова Екатерина Алексеевна,

аналитик Центра медиации,
доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета (УрГЮУ),
LLM (США),

кандидат юридических наук
ea.ivanova.civprodeparment@gmail.com

Шереметова Галина Сергеевна,

ведущий эксперт Центра медиации,
доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета (УрГЮУ),
кандидат юридических наук
sheremetova.gsfd@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-24-26

Примирительные процедуры: проблемы применения в цивилистическом процессе

Статья посвящена некоторым актуальным проблемам, возникшим как до, так и в рамках модернизации цивилистического процесса в процессе развития примирительных процедур. Во-первых, проанализирован вопрос о включении срока примирения в общий срок рассмотрения дела, а также вопрос об унификации применения сроков примирения в гражданском и арбитражном процессах, административном судопроизводстве и законодательстве о медиации. Во-вторых, актуализирована проблема популяризации примирительных процедур среди граждан, разрешение которой предлагается достичь путем обучения специальным навыкам судебного корпуса для эффективного внедрения примирения в цивилистический процесс.

Ключевые слова: гражданский процесс, примирение, медиация, техники медиации в судебной деятельности, процессуальные сроки.

Масштабные изменения процессуального законодательства, имевшие место в 2019 г., не обошли стороной и институт примирительных процедур. Отметим, что новации вносились сразу двумя достаточно заметными нормативными актами с одинаковым названием «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (далее — ФЗ № 451) и Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ (далее — ФЗ № 197), оба вступили в действие в разные даты октября 2019 г.

Если первый нормативный акт был посвящен массе самых разнообразных аспектов процессуального законодательства (от подведомственности, представительства, извещений и других общих положений до отдельных видов производств — заочного, упрощенного, приказного и стадий процесса — обжалование в апелляции, кассации), а в вопросах примирительных процедур затронул лишь косвенно некоторые проблемы (в частности, проблему включения сроков примирения в сроки рассмотрения дела в судах общей юрисдикции), то второй — максимально унифицировал правовое регулирование примирительных процедур в процессуальных кодексах (Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК), Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК), Кодекс административного судопроизводства (КАС)), ввел новый для России способ урегулирования споров — судебное примирение и в целом был направлен именно на совершенствование примирительных процедур в цивилистическом процессе.

Как уже было указано, в гражданском процессе исследователями достаточно давно отмечалось наличие проблемы включения сроков примирения в сроки рассмотрения дела¹. Федеральный закон № 451 устранил данную проблему, дополнив перечень обязательных оснований для приостановления производства в ГПК фразой «установления судом срока для примирения сторон (до истечения этого срока)». Как известно, сроки приостановления производства не включаются в общий срок рассмотрения дела.

В свою очередь, принятый чуть позже ФЗ № 197 также уделил внимание данной проблеме (возможно, в связи с тем, что на момент разработки данного закона ФЗ № 451 еще не вступил в действие). За основу здесь был избран традиционный для применения примирительных процедур в гражданском процессе механизм отложения, но в ст. 154 ГПК добавлена ч. 4.1 о том, что «срок, на который судебное разбирательство было отложено в целях примирения сторон, не включается в сроки рассмотрения дел, установленные настоящей статьей, но учитывается при определении разумного срока судопроизводства».

¹ См., например: Загайнова С.К. Основные проблемы развития практики медиации в юридической деятельности и пути их решения // Третейский суд. 2016. № 2/3. С. 211; Соломеина Е.А. Подготовка к проведению примирительной процедуры // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: сборник материалов международной научно-практической конференции / под общей редакцией: В.П. Очердько, А.Н. Кузбагаров, С.Ю. Катукова. СПб., 2019. С. 229.

Таким образом, после вступления обоих законов в действие в гражданском процессе существовало два варианта действий у судьи, который удовлетворял ходатайство сторон о проведении примирительной процедуры, — отложить судебное разбирательство или приостановить производство по делу.

Однако такая ситуация просуществовала недолго, и уже 2 декабря 2019 г. принят Федеральный закон № 406-ФЗ с традиционным названием «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который признал утратившим силу пункт ГПК, позволяющий приостанавливать производство в связи с примирительными процедурами. На сегодня в гражданском процессе для примирения используется механизм отложения, так же как и в арбитражном процессе (несколько особняком стоит КАС, где с момента его принятия и до сих пор для организации примирения используется приостановление производства по делу).

Вообще со сроками складывается достаточно странная ситуация с точки зрения сопряжения процессуального законодательства и законодательства о медиации как одной из примирительных процедур.

Так, в ГПК и АПК основанием для отложения судебного разбирательства для проведения медиации является ходатайство или согласие обеих сторон (ст. 169 ГПК, ст. 158 АПК). В то же время начальной точкой, с которой связывается течение медиации, считается заключение соглашения о проведении медиации (ст. 2 Федерального закона № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», далее — Закон о медиации).

По процессуальному законодательству отложение судебного разбирательства для проведения медиации возможно на срок до двух месяцев (ст. 169 ГПК, ст. 158 АПК). Согласно ст. 13 Закона о медиации медиация, проводимая после передачи спора на рассмотрение суда, не может превышать 60 дней.

Принимая во внимание разные точки начала отсчета и установленные законодательством разные правила исчисления сроков в днях и в месяцах, можем получить весьма отдаленные друг от друга календарные даты, в которые должна завершиться медиация. Безусловно, нельзя сказать, что такая несогласованность процессуального законодательства с правовым регулированием отдельных примирительных процедур является непреодолимым препятствием для их проведения. Конечно, нет. Но она может

вызывать некоторые неудобства (назовем это так) у лиц, работающих в данной сфере; у судей, ожидающих окончания примирения в определенные сроки; у людей, которые, соглашаясь на медиацию, от судьи слышат одно, а от медиатора — другое.

Касаясь разъяснительной работы судей, нельзя не отметить, что были внесены изменения в нормы, посвященные действиям судьи на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Теперь при содействии примирению сторон суд «разъясняет право на обращение к посреднику, в том числе медиатору, судебному примирителю, условия и порядок реализации данного права, существо и преимущества примирительных процедур... и последствия таких действий» (ст. 135 АПК, ст. 150 ГПК, ст. 135 КАС). Безусловно, данное изменение будет полезным, поскольку до сих пор основным фактором, препятствующим распространению примирительных процедур, является низкая информированность населения об их существовании. Зачастую первым местом, откуда люди узнают о такой возможности, является суд.

В рамках первого в России правового эксперимента по внедрению медиации в гражданское судопроизводство, проводившегося на территории Свердловской области в 2011–2014 гг., было выявлено, что разъяснение судьи является в большинстве случаев ключевым фактором в принятии решения в пользу примирительных процедур². В то же время неверное информирование о возможностях, преимуществах примирительной процедуры и роли посредника в урегулировании спора формирует неверное ожидание и впоследствии идет в ущерб авторитету как примирительных процедур, так и судебной системы. Поэтому значительную важность имеет верное информирование граждан при направлении на примирение. В то же время для правильного «разъяснения» необходимо сначала «уяснение», а здесь не обойтись без образовательных мероприятий.

В рамках упомянутого правового эксперимента Центром медиации УрГЮУ была разработана и впоследствии апробирована на практике в разных регионах страны технология разъяснения права на урегулирование спора с привлечением посредника, которая позволяет максимально эффективно (с наименьшими трудозатратами со стороны суда, индивидуализированно, находясь в диалоге со сторонами), точно донести информацию, пробуждая интерес к участию в примирении.

² См. подробнее: Загайнова С.К. Правовой эксперимент по внедрению медиации в гражданское судопроизводство Центра медиации УрГЮУ // Третейский суд. 2012. № 6. С. 118–127.

тельной процедуре и не вызывая сомнений в независимости и беспристрастности судьи. Обучение данной технологии включено в программу повышения квалификации «Техники медиации в судебной деятельности», реализуемую Центром медиации УрГЮУ в разных субъектах Российской Федерации.

Важность образовательных мероприятий, организуемых для судейского сообщества, можно констатировать основываясь и на статистических данных. Например, на территории Липецкой области также апробировалась данная образовательная программа, несколько групп судей различных звеньев судебной системы (от мировых судей до судей областного суда) сформировали умения направлять стороны гражданского дела на медиацию, что в результате привело к увеличению числа медиаций с нуля до десятков, сотен дел (на сегодня более тысячи дел ежегодно рассматривается с применением медиации в данном регионе)³.

Говоря о медиации как о примирительной процедуре, нельзя не отметить, что на стадии обсуждения законопроекта Верховного Суда Российской Федерации, посвященного примирению, зачастую высказывались опасения относительно конкуренции двух процедур — «частной» медиации и судебного примирения. Предпосылки к этому имелись в основном в связи с тем, что судебное примирение предполагалось и стало, по сути, бесплатным для сторон спора, медиация же, как правило, организуется за отдельную плату.

Принятый впоследствии Регламент судебного примирения позволяет сделать

вывод о том, что данную процедуру можно считать очень близкой к модели медиации, заложенной Законом о медиации, хотя нельзя утверждать, что процедуры равны друг другу с точки зрения существа и порядка проведения. В то же время пока нельзя сказать и о том, что медиатор и судебный примиритель стали «конкурентами». Список судебных примирителей ведется Верховным Судом Российской Федерации и на сегодня включает не больше пяти человек на один субъект Российской Федерации. Территориальная оторванность от места рассмотрения спора, а также небольшое число вовлеченных лиц не позволяют полномасштабно «запустить» данный проект.

Обобщая вышесказанное, можно подчеркнуть, что сроки для проведения примирительных процедур в гражданском и арбитражном процессах начинают течь с момента отложения судебного разбирательства, которое может длиться до двух месяцев, в то время как законодательством о медиации устанавливается, что процедура медиации начинается с момента заключения соглашения о проведении процедуры медиации (совместное ходатайство сторон об отложении с целью проведения такой процедуры таким соглашением не является) и может длиться по таким спорам до 60 дней. И если в общих чертах данные нормы и корреспондируют, то, разбираясь в деталях, становится очевидной правовая коллизия, которая может в будущем вызвать проблемы применения примирительных процедур как со стороны судебной системы, так и со стороны участников и примирителей. Любые сложности внедрения и применения новых правовых институтов на начальных этапах становления не способствуют их развитию и популяризации. В связи с этим видится необходимость унификации норм и введения всего процессуального законодательства к единообразному регулированию примирения.

³ Липецкая область приведена в пример в связи с наличием очень наглядной и удобной в использовании системы сбора статистической информации по практике медиации в регионе. См.: Сайт Липецкого областного суда. URL: <http://oblsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=3072> (дата обращения: 24.09.2020).

Литература

1. Загайнова С.К. Основные проблемы развития практики медиации в юридической деятельности и пути их решения / С.К. Загайнова // Третейский суд. 2016. № 2/3. С. 208–218.
2. Загайнова С.К. Правовой эксперимент по внедрению медиации в гражданское судопроизводство Центра медиации УрГЮА / С.К. Загайнова // Третейский суд. 2012. № 6. С. 118–127.
3. Соломеина Е.А. Подготовка к проведению примирительной процедуры / Е.А. Соломеина // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2019 г.). В 3 частях. Ч. 1 / под общей редакцией: В.П. Очередыко, А.Н. Кузбагаров, С.Ю. Каткова. Санкт-Петербург: Астерион, 2019. С. 226–231.

Батухтина**Елена Маратовна,**

доцент кафедры

гражданского процесса

Уральского государственного

юридического университета,

кандидат юридических наук

lena_salikova@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-27-29

К вопросу об исполнительной силе медиативного соглашения, удостоверенного нотариусом

В статье рассматривается одна из новелл судебной реформы — придание исполнительной силы медиативному соглашению через его нотариальное удостоверение. Раскрываются отдельные аспекты сложной правовой природы такого медиативного соглашения. Подведены первые итоги применения норм об удостоверении нотариусами медиативных соглашений на практике.

Ключевые слова: исполнительная сила, медиативное соглашение, нотариальный акт, медиация, судебная реформа.

Судебная реформа и развитие медиации.

В рамках проводимой в России судебной реформы Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ были внесены изменения, в частности, в такие нормативные правовые акты, как Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1, Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон о медиации). Одной из основных проблем, выявивших потребность общества и государства в реформировании судебной системы, послужила чрезмерная нагрузка на российские суды, приводящая к снижению эффективности рассмотрения и разрешения споров. Нововведения, рассматриваемые в настоящей работе, связаны со стремлением законодателя расширить практику примирения сторон, в том числе через поддержку использования альтернативных способов разрешения споров.

В соответствии с внесенными в законодательство изменениями медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, в случае его нотариального удостоверения имеет силу исполнительного документа.

Следует отметить, что ученые и специалисты давно подчеркивают необходимость придания исполнительной силы медиативному соглашению через его нотариальное удостоверение¹. Такой способ обеспечивает

последовательную реализацию одной из приоритетных задач развития медиации в российской правовой системе — снижение судебной нагрузки, является самым простым и быстрым, внедрение которого не требует коренного реформирования действующего законодательства.

Обоснованность именно такого способа придания исполнительной силы медиативному соглашению подтверждается схожестью базовых принципов процедуры медиации и нотариального производства².

Правовая природа медиативного соглашения. Закон о медиации определяет медиативное соглашение как соглашение, достигнутое сторонами в результате применения процедуры медиации к спору или спорам, к отдельным разногласиям по спору и заключенное в письменной форме. Такое понимание медиативного соглашения является достаточно широким, предопределяет его особенности как комплексного акта об урегулировании спора и позволяет включать в него как правовые, так и неправовые вопросы.

С другой стороны, медиативное соглашение, достигнутое сторонами после передачи спора на рассмотрение суда, может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения. Однако в этом случае правовая природа мирового соглашения не подменяет правовую природу медиативного соглашения. Медиативное соглашение как результат урегулирования конфликта сторон может

¹ Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 64–65.

² См. подробнее: Клер Э. Нотариат и медиация // Нотариат за рубежом: позитивный опыт. Центр нотариальных исследований: материалы и статьи. Вып. 7. СПб., 2006. С. 180; Загайнова С.К., Тарасов Н.Н., Янков В.В. Медиация в практике нотариуса. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 25.

выступить основой для будущего мирового соглашения, при утверждении которого будет применяться процессуальное законодательство.

Кроме того, медиативное соглашение по возникшему из гражданских правоотношений спору, достигнутое сторонами без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, представляет собой гражданско-правовую сделку, направленную на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон. К такому медиативному соглашению могут применяться отдельные нормы гражданского законодательства об отступном, о новации, о прощении долга, о зачете встречного однородного требования, о возмещении вреда (ч. 4 ст. 12 Закона о медиации), что обусловливается предметом спора, возникшего именно из гражданских правоотношений.

Долгое время медиативные соглашения, заключенные в результате проведения процедуры медиации без передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, не были обеспечены возможностью принудительного исполнения. Действующее законодательство позволяет рассматривать правовую природу медиативного соглашения как нотариального акта и исполнительного документа. Причем обе эти стороны правовой природы медиативного соглашения присутствуют одновременно и неразрывно. Следует отметить, что это единственный случай, когда исполнительной силой обладает именно медиативное соглашение, а не мировое соглашение и выданный на его основе исполнительный лист. Если же медиативное соглашение не удостоверено нотариально, то оно исполняется добровольно и исполнительной силой не обладает.

Нотариальное медиативное соглашение должно отвечать требованиям нотариально удостоверимой сделки и требованиям к исполнительным документам помимо своей основной сущности как результата урегулирования разногласий и примирения сторон конфликта.

Нотариальное медиативное соглашение: первые итоги реформы. За первые два месяца действия изменений нотариусами было удостоверено 4 медиативных соглашения³. В 2020 году данная практика ожидаемо расширилась. Нотариальному сообществу еще предстоит выработать единые подходы к удостоверению медиативных соглашений,

³ Россияне начали мириться с помощью нотариусов. URL: <https://rg.ru/2020/01/05/rossiiane-nachali-miritsia-s-pomoshchiu-notariusev.html>

но уже сейчас можно говорить о появлении и распространении такого вида исполнительного документа, как нотариальное медиативное соглашение.

В рамках реализации новых положений законодательства Министерство юстиции внесло дополнения, касающиеся удостоверения нотариусами медиативных соглашений, в ряд своих приказов (приказы от 31 марта 2020 г. № 79, 77, 78).

В целях обеспечения гармоничного и соответствующего закону сочетания всех аспектов сложной правовой природы медиативного соглашения, удостоверимого нотариально, важным является представление нотариуса о самой процедуре медиации. Одними учеными подчеркивается необходимость в общей осведомленности нотариуса о процедуре медиации⁴, другими же выдвигаются предложения по закреплению в законе обязанности нотариуса пройти специальное обучение в данной области⁵.

С сожалением следует признать, что рассматриваемое новшество законодательства, помимо позитивного итога, может создать почву для совершения недобросовестными участниками гражданского оборота незаконных действий и сомнительных операций⁶. Участились случаи использования исполнительной надписи нотариуса в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. После вступления в силу новых положений законодательства «под ударом» могут оказаться и медиативные соглашения, удостоверенные нотариально, как обладающие исполнительной силой.

Заключение. Появление в российском законодательстве норм об исполнительной силе медиативного соглашения, удостоверенного нотариально, является закономерным шагом на пути к развитию как медиации, так и нотариальной практики в области внесудебного разрешения правовых конфликтов.

Адекватная оценка законодателем преимуществ альтернативных способов разрешения споров, выразившаяся в придании

⁴ Загайнова С.К. Основания и направления внедрения в практику российского нотариата примирительных процедур (медиации) // Судья. 2014. № 7. С. 28.

⁵ Погосян Е.В. Актуальные вопросы участия нотариуса в удостоверении медиативного соглашения // Нотариус. 2020. № 1. С. 10–11.

⁶ Ярков В.В. Медиация в нотариальной деятельности: новые возможности и их пределы // Нотариус. 2020. № 1. С. 5–6.

исполнительной силы медиативному соглашению через более быструю процедуру нотариального удостоверения, является

большим шагом, направленным на совершенствование судебной системы и правопорядка в целом.

Литература

1. Загайнова С.К. Основания и направления внедрения в практику российского нотариата примирительных процедур (медиации) / С.К. Загайнова // Судья. 2014. № 7 (43). С. 26–30.
2. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции / С.И. Калашникова. Москва ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2011. 284 с.
3. Клер Э. Нотариат и медиация / Э. Клер // Нотариат за рубежом: позитивный опыт : сборник материалов и статей. Вып. 7 / ответственный редактор И.Г. Медведев. Санкт-Петербург : Изд-во Уральской государственной юридической академии ; Изд. дом Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2006. 500 с.
4. Медиация в практике нотариуса / М.И. Сазонова и [др.] ; ответственный редактор С.К. Загайнова, Н.Н. Тарасов, В.В. Ярков. Москва ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2012. 303 с.
5. Погосян Е.В. Актуальные вопросы участия нотариуса в удостоверении медиативного соглашения / Е.В. Погосян // Нотариус. 2020. № 1. С. 10–11.
6. Ярков В.В. Медиация в нотариальной деятельности: новые возможности и их пределы / В.В. Ярков // Нотариус. 2020. № 1. С. 3–6.

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-29-31

Реформирование упрощенного производства: цели и результаты

В статье анализируются внесенные Федеральным законом от 23 ноября 2018 г. № 451-ФЗ изменения в процедуру рассмотрения дела в упрощенном производстве в гражданском процессе. Отмечается, что основной целью процессуальной реформы стало продолжение развития гражданского процессуального законодательства с целью его унификации.

Ключевые слова: упрощенные процедуры, упрощенное производство, процессуальная реформа, гражданский процесс.

Прошел практически год с момента вступления в силу изменений, внесенных в гражданское процессуальное законодательство Федеральным законом от 23 ноября 2018 г. № 451-ФЗ, что позволяет подвести первые итоги масштабной процессуальной реформы, проведенной Верховным Судом Российской Феде-

рации. Изменения коснулись многих процессуальных институтов и норм, упрощенное производство не стало исключением.

Полагаем, что при реформировании института упрощенного производства законодатель преследовал несколько целей, продиктованных общими тенденциями

развития процессуального законодательства в последние десятилетия. Во-первых, унификация нормативного регулирования одного и того же института в трех цивилистических процессуальных кодексах: Арбитражном процессуальном (АПК), Гражданском процессуальном (ГПК) и Кодексе административного судопроизводства (КАС). Например, норма ч. 2 ст. 226 АПК о 2-месячном сроке рассмотрения дела в порядке упрощенного производства существует с 2012 г., однако при введении данного института в 2016 г. в ГПК это положение упустили из виду, что и было исправлено Федеральным законом № 451. Еще один пример — правило о составлении мотивированного решения, вынесенного в порядке упрощенного производства, не только при поступлении соответствующего ходатайства от сторон, но и при подаче апелляционной жалобы. Указанное правило с 2016 г. существовало в ГПК, но отсутствовало в АПК, что и было исправлено. В КАС унификация законодательства затронула сроки представления сторонами доказательств и процессуальных документов. Данная цель частично законодателем достигнута, хотя говорить о полной унификации нормативного регулирования упрощенного производства, единообразии формулировок правовых норм, конечно, не приходится. В отдельных случаях можно видеть разобщенность изменений, внесенных Федеральным законом № 451. Так, с 1 октября 2019 г. мотивированное решение, вынесенное в упрощенном производстве, в гражданском процессе изготавливается в течение 10 дней со дня поступления соответствующего заявления или со дня подачи апелляционной жалобы, а в арбитражном процессе — в течение 5 дней.

В качестве второй цели процессуальной реформы можно назвать оптимизацию судебной нагрузки за счет расширения сферы применения упрощенных процедур в целом и упрощенного производства в частности. Об этом говорит увеличение сумм требований, которые подлежат рассмотрению арбитражными судами в порядке упрощенного производства (ст. 227 АПК). Однако эта тенденция не затронула гражданский процесс и административное судопроизводство, в которых порог сумм остался прежним¹.

¹ Стоит отметить, что первоначально в проекте Верховного Суда Российской Федерации сумму требований в ГПК по исковым заявлениям о взыскании денежных средств или об истребо-

В-третьих, целью внесенных в институт упрощенного производства изменений можно считать устранение давно существовавших пробелов в правовом регулировании и совершенствование самой модели упрощенного производства. Например, во всех трех процессуальных кодексах появились нормы, уточняющие перечень дел, не подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства. Эти изменения частично носят достаточно технический характер, поскольку ранее данные вопросы нашли свое отражение в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации². Однако в ГПК и АПК появилась и новелла, касающаяся невозможности рассмотрения в порядке упрощенного производства дел, связанных с обращением взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, ранее данной нормы не было, аналогичных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации тоже³.

В гражданском процессе изменения затронули и еще один важный аспект — прямой запрет на рассмотрение дел особого производства в порядке упрощенного производства на сегодняшний день упразднен. Полагаем, что выказанные в литературе опасения по поводу возможности рассмотрения дел особого производства в порядке упрощенного производства

вании имущества предполагалось увеличить до 500 тысяч рублей, однако в дальнейшем от этого положения отказались. URL: <http://vs.pf/documents/own/24031/> (дата обращения: 29.08.2020).

² См. п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве»; п. 70 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. № 36 (ред. от 09.07.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

³ Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что данная норма распространяется также на требования о взыскании денежных средств по договорным обязательствам казенных учреждений, однако не применяется к требованиям о взыскании денежных средств по договорным обязательствам бюджетных учреждений // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.06.2020).

вполне обоснованны⁴, оставлять решение этого вопроса на усмотрение суда или ставить в зависимость от диспозитивной воли сторон недопустимо. Возможно, законодатель исходил из того, что в ч. 1 ст. 232.2 ГПК к делам упрощенного производства отнесены лишь те, которые возбуждаются путем подачи искового заявления, а следовательно, только дела искового производства. Однако не стоит забывать, что ч. 2 ст. 232.2 ГПК предоставляет суду право по ходатайству стороны при согласии другой стороны или по инициативе суда при согласии сторон при подготовке дела к рассмотрению вынести определение о рассмотрении в порядке упрощенного производства иных дел, не указанных в ч. 1 ст. 232.2 ГПК. Специфика дел особого производства привела к тому, что данные дела рассматриваются по особой процедуре, поэтому исключение их из перечня дел, не подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства, не может расцениваться позитивно, это упущение должно быть устранено, хотя бы на уровне разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

На достижение цели по устранению давно существовавших пробелов в правовом регулировании и совершенствованию самой модели упрощенного производства направлено и большинство изменений в КАС. При внешней схожести института упрощенного производства в административное судопроизводство заложена абсолютно иная модель, нежели в гражданский и арбитражный процесс. Рассматривая упрощенное производство как вариант заочного разбирательства⁵, наиболее ярко симбиоз упрощенного и заочного производства можно наблюдать именно в административном судопроизводстве.

Это касается, во-первых, возможности рассмотрения в порядке упрощенного производства любого административного дела (кроме прямо изъятых КАС из упрощенного производства) в случае неявки всех лиц, участвующих в деле, их представителей при надлежащем извещении, если явка не является обязательной или не признана судом обязательной, а также в случае заявления всеми лицами, участвующими в деле, ходатайства о рассмотрении административного дела в их отсутствие и если их участие при рассмотрении данной категории административных дел не является обязательным. Конечно, это не полный аналог заочного производства в гражданском процессе, но до КАС ни один процессуальный кодекс не рассматривал упрощенное производство как последствие неявки в процесс. Во-вторых, таким проявлением черт заочного производства можно считать появление в КАС нормы об отмене судом решения, постановившим его в порядке упрощенного производства, по ходатайству заинтересованного лица и о возобновлении рассмотрения административного дела по общим правилам административного судопроизводства, что является исключением из аксиомы отмены решения вышестоящим судом, как и в случае с заочным решением. Если же говорить об основаниях для отмены решения, то стоит отметить, что законодатель в административном судопроизводстве отказывается от модели возложения ответственности за соблюдение процессуальных сроков представления процессуальных документов и доказательств на стороны, предусматривая в качестве правового последствия не возвращение поступивших в суд с опозданием документов, а отмену решения суда и возобновление рассмотрения дела.

В заключение отметим, что изменения, внесенные в институт упрощенного производства, носят позитивный характер, однако некоторые аспекты требуют дополнительного осмысления для проработки будущего вектора развития упрощенных процедур.

⁴ Громошина Н.А. Очередной шаг в упрощении гражданского процесса: оценки и перспективы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 10. С. 18–19.

⁵ Решетникова И.В. Упрощенное производство. Концептуальный подход // Закон. 2013. № 4. С. 94–95.

Литература

1. Громошина Н.А. Очередной шаг в упрощении гражданского процесса: оценки и перспективы / Н.А. Громошина // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 10. С. 17–21.
2. Решетникова И.В. Упрощенное производство. Концептуальный подход / И.В. Решетникова // Закон. 2013. № 4. С. 93–98.

**Соломеина
Елизавета Александровна,**
старший преподаватель кафедры
гражданского процесса,
ведущий эксперт Центра медиации
Уральского государственного
юридического университета
solomeina@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-32-33

Новые возможности упрощенного производства

Внесение изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ в части регулирования упрощенного производства, в частности изменения оснований, делающих невозможным рассмотрение дела в порядке упрощенного производства, открывает новые возможности для применения данной процедуры. Ряд дел особого производства являются в этом смысле наиболее перспективными.

Ключевые слова: упрощенное производство, особое производство, производство по делам, возникающим из публично-правовых отношений.

При введении в 2016 г. упрощенного производства в гражданский процесс законодатель установил ограничения, препятствующие рассмотрению дел с применением данного порядка. К таким ограничениям в соответствии с ч. 3 ст. 232.2 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК) был отнесен запрет применения упрощенного порядка при рассмотрении дел, возникающих из административных правоотношений и дел особого производства.

С 1 октября 2019 г. данный запрет был исключен из ГПК РФ, и, таким образом, объективно возникает вопрос о возможности рассмотрения дел особого производства с применением правил производства упрощенного. Отметим, что применительно к делам, возникающим из административных правоотношений, данный вопрос является несущественным, поскольку большинство таких дел рассматривается в порядке административного судопроизводства по правилам, регулируемым Кодексом административного судопроизводства РФ (КАС РФ), который, в свою очередь, предусматривает возможность применения упрощенного производства при осуществлении административного судопроизводства в соответствии с гл. 33 КАС. Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ) предусмотрел возможность применения упрощенного производства при рассмотрении дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений еще раньше — с момента вступления в действие новой редакции гл. 29 АПК в 2012 г. Таким образом, следует сделать вывод о существовании законодательно обеспеченной возможности рассмотрения в порядке упрощенного производства дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений.

Что же можно сказать о возможности применения упрощенного порядка при рассмотрении дел особого производства? Во-первых, следует ориентироваться на то, что законодатель все дела, которые можно рассмотреть с применением упрощенного порядка, делит на две группы: дела, рассмотрение которых не зависит от воли лиц, участвующих в деле, и дела, для рассмотрения которых в порядке упрощенного производства воля лиц, участвующих в деле, является решающей. Во-вторых, в обоих случаях следует помнить об ограничениях, установленных законом, препятствующих рассмотрению дел в порядке упрощенного производства.

Представляется, что при отсутствии запретов, установленных ч. 3, 4 ст. 232.2 ГПК, применение упрощенного производства возможно практически ко всем делам особого производства. При этом можно объективно определить дела особого производства, при рассмотрении которых применение упрощенного порядка недопустимо. Это дела об усыновлении (удочерении ребенка), поскольку в данном случае затрагиваются права детей и возможно применить запрет п. 3 ч. 3 ст. 232.2 ГПК. Если рассматривать дела об ограничении в дееспособности гражданина, признании гражданина недееспособным, ограничении или лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами, а также об отмене ограничения гражданина в дееспособности и признании гражданина дееспособным, поскольку по данным делам, как правило, возникает необходимость исследования личных доказательств, в том числе и заключения эксперта, которое обладает признаками и личного, и вещественного доказательства, то

можно говорить, что данные дела подпадают под запреты, установленные п. 1 ч. 4 ст. 232.2 ГПК. Более того, в данном случае судом решается вопрос об установлении правового положения гражданина, и обеспечение ему возможности высказать лично свое мнение в суде является существенным элементом реализации конституционного права граждан на судебную защиту.

Что же надо принимать во внимание, говоря о возможности рассмотрения дел особого производства в порядке упрощенного производства? Поскольку упрощение процедуры достигается за счет неприменения принципа устности, то и в основание судебного решения, принятого в результате рассмотрения дела в порядке упрощенного производства, могут быть положены только средства доказывания, представленные в письменной форме (письменные объяснения сторон и третьих лиц, письменные доказательства). Таким образом, можно прийти к выводу, что если обстоятельства, на которых основывается требование заявителя по делу, рассматриваемому в порядке особого производства, подтверждаются письменными средствами доказывания, то при его рассмотрении возможно применить упрощенное производство. При этом следует учитывать, что применение упрощенного производства не должно лишать права заявителя или заинтересованных лиц на дачу объяснений по делу. Однако такие объяснения должны быть представлены в письменной форме. В этих случаях можно говорить о применении ч. 2 ст. 232.2 ГПК в качестве основания для рассмотрения дела в порядке упрощенного производства, то есть с учетом мнения заявителя и заинтересованных лиц.

Наибольший интерес представляет рассмотрение возможности применения упрощенного порядка к рассмотрению дел о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния и по заявлениям о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении. Длительное время в науке гражданского процессуального права ведется дискуссия по поводу того, относятся ли данные дела к делам особого производства или должны

рассматриваться как дела, возникающие из административных правоотношений¹. Как отмечала Н.А. Чечина, «две последние категории дел в действующем Кодексе отнесены к делам особого производства — гл. 31 и 32 ГПК РСФСР, но фактически таковыми не являются, так как суды при их рассмотрении не ограничиваются установлением определенного правового состояния, а устанавливают правомерность действия государственных органов, должностных лиц или лиц, уполномоченных на совершение этих действий (решений)...»². Таким образом, учитывая уже обеспеченную законодателем возможность применения упрощенного производства при рассмотрении дел, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства, можно предложить включить в ст. 232.2 ГПК прямое указание на возможность рассмотрения в упрощенном порядке таких дел особого производства как дел о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния и по заявлениям о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении, вне зависимости от воли лиц, участвующих в деле, расширив таким образом возможность применения упрощенного производства в гражданском процессе.

Также представляется необходимым, при условии закрепления в ГПК возможности рассмотрения дел особого производства в порядке упрощенного производства, добавить еще одно ограничение в ч. 4 ст. 232: если судом при рассмотрении дела будет установлено наличие спора о праве. Обнаружение данного обстоятельства должно порождать либо переход к исковому производству, либо применение ч. 3 ст. 263 ГПК.

¹ См., например: Треушников М.К., Жуйков В.М., Пучинский В.К. Путь к закону (исходные документы, пояснительные записки, материалы конференций, варианты проекта ГПК, новый ГПК РФ) / под ред. М.К. Треушникова. М.: Изд. дом «Городец», 2004.

² Чечина Н.А. Рассмотрение судами дел, возникающих из административно-правовых отношений / Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. С. 652–653.

Литература

1. Треушников М.К. Путь к закону (исходные документы, пояснительные записки, материалы конференций, варианты проекта ГПК, новый ГПК РФ) / М.К. Треушников, В.М. Жуйков, В.К. Пучинский; под редакцией М.К. Треушникова. Москва: Городец, 2004. 1024 с.
2. Чечина Н.А. Рассмотрение судами дел, возникающих из административно-правовых отношений // Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу / Н.А. Чечина. Санкт-Петербург: Изд. дом Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2004. 656 с.

Кудрявцева Вера Павловна,
доцент кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета (УрГЮУ),
кандидат юридических наук
kvp001@usla.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-34-35

Новая обязанность направлять копии искового заявления другим участникам процесса: теория процесса и практика применения

Статья раскрывает практику толкования новой обязанности по направлению искового заявления и иных документов перед подачей иска в суд. Новая редакция статьи 132 Гражданского процессуального кодекса РФ породила толкование, которое препятствует истцам реализовать свое право на обращение в суд. Возникшая проблема доступа к суду проявляется в двух аспектах — финансовом и процессуальном. Финансовый аспект возлагает на истца бремя несения дополнительных расходов до возникновения процесса. Процессуальный аспект усложняет проблему, поскольку не закрепляет прямо возможность обжаловать определение судьи об оставлении заявления без движения. Дано критическое обоснование по толкованию текста нормы на основе принципов гражданского процесса. Новое толкование не может входить в сферу усмотрения судей. Отсутствие доказательств направления другим участникам именно искового заявления не может быть сочтено как злоупотребление правом. При принятии заявления предложено исходить из принципа добросовестности истца при возбуждении гражданского дела. Обоснована необходимость закрепить презумпцию направления именно указанных в законе документов для облегчения доступа к суду. Предложено унифицировать толкование новой обязанности посредством принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: оставление заявления без движения, исковое заявление, документы, прикладываемые к исковому заявлению, возбуждение гражданского дела, добросовестность.

Осенью 2019 года вступили в силу изменения, внесенные в Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ) Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ. Одним из важных нововведений стало переложение обязанности направления инициирующих процесс документов с суда на заявителя. Для реализации этой идеи была изменена ст. 132 ГПК РФ, закрепившая обязанность заявителя прикладывать к заявлению уведомления о вручении или иные документы, подтверждающие направление другим участникам необходимого пакета документов.

Складывающаяся в судах общей юрисдикции практика предложила неожиданное толкование этой обязанности. У судей при решении вопроса о возбуждении дела возник вопрос по идентификации документов, направленных истцом (заявителем) самостоятельно. Согласно формирующемуся подходу, уведомление о вручении подтверждает только факт получения неких документов другими участниками. Соответственно, почтовая квитанция свидетельствует о направлении неких документов. Факт, позволяющий идентифицировать направленные документы, эти средства доказывания напрямую не подтверждают. Его доказатель-

ством судьи считают опись вложения и при ее отсутствии оставляют заявление без движения. Этот нюанс толкования создает необоснованное препятствие при обращении в суд, проявляющееся в двух аспектах — финансовом и процессуальном.

Финансовый аспект заключается в денежных затратах, которые должен понести истец, прежде чем обратиться в суд. Услуги описи вложения, подтверждение которой требуют судьи при приеме документов, относится к числу дополнительных услуг, оказываемых почтовыми операторами. Так, например, согласно абз. 82 раздела 2 Порядка приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений¹ услуга описи вложения предоставляется только в отношении отправлений с объявленной ценностью. По действующим тарифам АО «Почта России» подобная услуга по стоимости составит в среднем 200 рублей, в то время как пересылка одного заказного письма — примерно 60 рублей. Нет никаких сомнений, что при обращении за услугой отправки документов к частным курьерским службам (напри-

¹ Утвержден приказом ФГУП «Почта России» от 7 марта 2019 г. № 98-п.

мер, DHL, Pony Express) тарифы будут в два или три раза больше. Если дело осложнено субъектным составом, почтовые расходы вырастут в разы, что может стать серьезным финансовым препятствием при обращении в суд. К процессуальным издержкам социальные льготы по отсрочке или рассрочке также неприменимы.

Вторая составляющая — это новая редакция ст. 136 ГПК РФ, из которой была изъята формулировка об обжаловании определения об оставлении заявления без движения, что уже породило разные толкования. Одни процессуалисты считают, что такое определение не может быть обжаловано², однако существует противоположная точка зрения³.

Для разрешения возникшей проблемы необходимо проанализировать ее с позиции теории гражданского процесса. Перенесение обязанности направления документов с суда на истца (заявителя), несомненно, влечет вопрос соблюдения гарантий реализации доступности правосудия⁴, важным проявлением которой и служит возможность возбуждения дела с наименьшим количеством необходимых условий (простота обращения в суд), что, в свою очередь, относится к одному из необходимых компонентов оценки эффективности правосудия⁵. Гражданское процессуальное право, выполняющее служебную функцию по отношению к материальному (гражданскому) праву, строится на

таком же базовом положении добросовестности участников процессуальных отношений⁶. Думается, что выполнение заявителем обязанности по направлению документов другим участникам не может быть оценено как недобросовестное поведение, в случае если заявителем не были представлены доказательства направления именно копии искового заявления и иных необходимых документов. Подобное толкование законодательной конструкции не может иметь место, поскольку не предоставляет свободу для судейского усмотрения⁷, тем более что существует противоположное правоприменение. Также отсутствие доказательств идентификации направленных остальным участникам документов не может быть расценено как злоупотребление правом, поскольку не содержит признаков нарушения нормы⁸. Кроме того, обязанность доказывания у сторон и полномочия суда по сбору доказательств появляются на следующей стадии процесса. Как следствие, судья не имеет права требовать дополнительных доказательств на этапе возбуждения гражданского дела. Для разрешения возникшей проблемы и обеспечения равного доступа к правосудию, думается, было бы целесообразно разъяснение на уровне Верховного Суда Российской Федерации, выраженное в постановлении Пленума, о текстовой фиксации презумпции направления именно копий искового заявления и иных процессуальных документов, основанной на презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений⁹.

² См., например: Голубь Т. Оставление иска без движения не препятствует движению дела. URL: https://zakon.ru/blog/2020/2/25/ostavlenie_iska_bez_dvizheniya_ne_prepyatvuet_dvizheniyu_dela_s (дата обращения: 25.08.2020)

³ См.: Рекомендации Научно-консультативного совета при Свердловском областном суде (утв. президиумом Свердловского областного суда от 30 декабря 2019 г.).

⁴ Курочкин С.А. Частные и публичные начала в цивилистическом процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 215.

⁵ Фурсов Д.А., Харламова И.В. Теория правосудия. М., 2009. С. 149–167 (автор главы — Д.А. Фурсов).

⁶ Сериков Ю.А. Презумпции в гражданском судопроизводстве. М., 2006. С. 132.

⁷ Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма, 2002. С. 102–104.

⁸ Юдин А.В. Широкое и узкое понимание категорий «добросовестность» и «злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2014. № 1. С. 44.

⁹ Сериков Ю.А. Указ. соч. С. 130–138.

Литература

1. Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе / Д.Б. Абушенко. Москва: Норма, 2002. 168 с.
2. Голубь Т. Оставление иска без ДВИЖЕНИЯ не препятствует ДВИЖЕНИЮ дела / Т. Голубь // Закон.ru. 2020. 25 февраля.
3. Курочкин С.А. Частные и публичные начала в цивилистическом процессе / С.А. Курочкин; научный редактор В.В. Ярков. Москва; Берлин: Инфотропик Медиа, 2012. 541 с.
4. Сериков Ю.А. Презумпции в гражданском судопроизводстве / Ю.А. Сериков; научный редактор В.В. Ярков. Москва: Волтерс Клувер, 2008. 169 с.
5. Фурсов Д.А. Теория правосудия: в кратком трехтомном изложении по гражданским делам / Д.А. Фурсов, И.В. Харламова. Москва: Статут, 2009.
6. Юдин А.В. Широкое и узкое понимание категорий «добросовестность» и «злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве / А.В. Юдин // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2014. № 1 (15). С. 39–44.

Лазарев Сергей Викторович,судья Арбитражного суда
Уральского округа,
старший преподаватель
кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
s.v.lazarev@usla.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-36-38

Управление арбитражным судом продолжительностью выступлений участников судебного разбирательства

В статье обсуждается норма права о возможности определения арбитражным судом продолжительности выступлений лиц, участвующих в деле. Автор рассматривает различные аспекты указанной новации: критерии определения, возможность несогласия, оспаривание, фиксацию, необходимость мотивации и т.д.

Ключевые слова: управление движением дел, право быть выслушанным, длительность судебного разбирательства.

С одной стороны, суд должен обеспечить реализацию права участника процесса быть выслушанным или, более точно, быть услышанным¹. А.Т. Боннер подчеркивает, что в указанном правомочии в значительной степени концентрируется весь смысл гражданского судопроизводства².

С другой стороны, суд не может необоснованно долго заниматься одним делом в ущерб другим делам.

Соответственно, разумно каким-то образом регламентировать продолжительность выступлений.

Впервые правовое регулирование в указанном направлении появилось в п. 61.4 Регламента арбитражных судов, утвержденного Постановлением Пленума ВАС РФ от 5 июня 1996 г. № 7, согласно которому продолжительность выступления лиц, участвующих в деле, в заседании Президиума ВАС РФ не должна превышать 10 минут.

Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ п. 8 ч. 2 ст. 153 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ) дополнен. В настоящее время арбитражный суд с учетом мнений лиц, участвующих в деле, определяет продолжительность выступлений.

М.Л. Скуратовский отмечает, что указанная выше «новация направлена прежде всего на оптимизацию судебных заседаний, это средство борьбы с многословием тех участников, которые таким образом затяги-

вают процесс (по существу, злоупотребляют своими процессуальными правами)»³.

Поскольку задача суда заключается в том, чтобы понять аргументы обеих сторон, разобраться в позиции каждого лица, определить сильные и слабые стороны этих позиций, постольку право быть выслушанным (услышанным) не исключает возможность для суда определить продолжительность выступлений участников судебного разбирательства в целях своевременного рассмотрения и разрешения дела.

На практике возникает достаточно много вопросов относительно указанной новации, попытка ответить на которые предпринята ниже.

1. Ориентироваться на десятиминутный промежуток времени, установленный в п. 61.4 Регламента арбитражных судов, во всех случаях без исключений нет оснований, поскольку соответствующие указания касались рассмотрения надзорной жалобы, где не предусмотрено исследование доказательств, характерное для рассмотрения дела в судах первой и апелляционной инстанций. В силу специфики предмета судебной деятельности ограничение продолжительности выступлений десятью минутами может быть допустимо при рассмотрении кассационной жалобы в суде округа.

Согласно решению Суда ЕАЭС от 22 января 2014 г. № 3 «О практических рекомендациях для сторон и иных лиц, участвующих в деле» максимальная продолжительность выступлений в прениях в рамках рассмотрения дела в Суде Евразийского экономического сообщества для сторон составляет, как правило, 15 минут. После выступления всех участников судебных прений каждый из

¹ См. подробнее: Шерстюк В.М. Право быть выслушанным и быть услышанным — принцип гражданского процессуального права / под ред. М.К. Треушникова. М., 2004. С. 57–63.

² См.: Боннер А.Т. Основания к отмене судебных постановлений по гражданским и арбитражным делам должны быть приведены в соответствие с жизнью // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 11–31.

³ Скуратовский М.Л. Производство в первой инстанции: новации и тенденции // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 14–18.

них вправе выступить с репликами продолжительностью до 3 минут. Соответственно, указанные промежутки времени можно было бы взять за основу для арбитражных судов первой и апелляционной инстанций.

Однако мы полагаем, что конкретная нормативная величина продолжительности времени выступлений вообще вряд ли может быть разработана.

2. Относительно определения продолжительности выступления в судебной практике высказана позиция о том, что суд, во-первых, *не должен ставить выступающего в худшее положение*, чем другое лицо, а, во-вторых, в пределах определенного судом времени должен дать возможность представить свою позицию, *не прерывая выступление*, за исключением случаев, предусмотренных АПК РФ⁴.

Применительно к первому ограничению это означает, что временные промежутки для выступления должны быть приблизительно равными, а точнее, у ответчика и третьих лиц должно быть времени на выступление не меньше, чем у истца.

Если суд установил продолжительность выступлений, то установленный судом порядок обязателен в том числе и для самого суда. В пределах определенного судом времени он должен дать возможность участникам процесса представить свою позицию, не прерывая выступление, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4.1 ст. 154 АПК РФ.

Иногда в судебном акте отмечаются те обстоятельства, которые явились основанием для установления продолжительности судебных заседаний: 1) сформированный график судебных заседаний, в том числе и с использованием систем видео-конференц-связи, 2) содержание и объем процессуальных документов⁵.

Действительно, на практике графики судебных заседаний нередко предусматривают время на проведение одного заседания — 10–15 минут. Однако это не означает, что участвующие в деле лица должны успеть высказаться в указанный промежуток времени. Напротив, графики судебных заседаний должны составляться с учетом потребностей рассматриваемых дел.

В каждом случае необходимое время выступлений обусловлено количеством

эпизодов, фактическими обстоятельствами, сложностью правовых вопросов и т.д. Соответственно, основным критерием должно быть то, что участвующему в деле лицу должно хватить времени для изложения своей позиции, для реализации права быть выслушанным и услышанным.

3. Поскольку согласно п. 8 ч. 2 ст. 153 АПК РФ продолжительность выступлений определяется судом с учетом мнений лиц, участвующих в деле, то соответствующее лицо вправе не согласиться с конкретной продолжительностью выступления. Поскольку быстрота судопроизводства не является самоцелью, то в данном случае приоритет принадлежит правильности рассмотрения дела. Действия председательствующего по определению продолжительности времени выступлений могут быть обжалованы только вместе с итоговым судебным актом (ч. 1 ст. 188 АПК РФ). Недостаточное время для выступления является основанием для отмены судебных актов, когда это привело к принятию неправильного решения (ч. 3 ст. 270, ч. 3 ст. 288 АПК РФ).

4. В силу п. 8 ч. 2 ст. 155 протокол является средством фиксации данных о ходе судебного заседания, в том числе определений, вынесенных судом без удаления из зала судебного заседания. Когда протокол не ведется, то на практике в некоторых случаях об установлении продолжительности выступлений отмечается в судебном акте⁶. Между тем в силу ч. 2 ст. 289 АПК РФ требования о фиксации данных о ходе судебного заседания в постановлении суда кассационной инстанции не содержится.

5. В некоторых случаях лица, участвующие в деле, в жалобах указывают, что суд без наличия оснований ограничил выступление представителя по времени⁷. Несмотря на то что соответствующие доводы проверочными инстанциями отклоняются⁸, актуален вопрос о том, *нужно ли суду мотивировать установление продолжительности выступлений?* Полагаем, что такой необходимости

⁴ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 7 октября 2019 г. № С01-901/2019 по делу № СИП-744/2018.

⁵ Постановления Четвертого арбитражного апелляционного суда от 22 октября 2019 г. № 04АП-5060/2019 по делу № А78-6869/2018 и от 31 января 2020 г. № 04АП-350/2017 по делу № А78-11385/2016.

⁶ В Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 5 декабря 2019 г. № Ф04-2168/2017 по делу № А27-13947/2016 указано, что, принимая во внимание сформированный график судебных заседаний на конкретную дату, председательствующий в судебном заседании с учетом мнения представителей сторон определил продолжительность выступлений лиц, участвующих в деле.

⁷ См.: Апелляционная жалоба по делу № А40-126287/2019. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6fd7dd6a-0326-4988-b963-6df8bbf07632>

⁸ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 февраля 2020 г. № 09АП-77389/2019 по делу № А40-126287/2019.

нет, поскольку закон не содержит прямого указания на приведение судом мотивов несогласия с мнением лиц, участвующих в деле.

Подводя итог, можно отметить, что установление продолжительности выступлений

участвующих в деле лиц является полезной новацией, активно применяющейся на практике. Однако в связи с применением указанной новации возникают вопросы, требующие разъяснения.

Литература

1. Боннер А.Т. Основания к отмене судебных постановлений по гражданским и арбитражным делам должны быть приведены в соответствие с жизнью / А.Т. Боннер // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 11–31.
2. Скуратовский М.Л. Производство в первой инстанции: новации и тенденции / М.Л. Скуратовский // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 14–18.
3. Шерстюк В.М. Право быть выслушанным и быть услышанным — принцип гражданского процессуального права / В.М. Шерстюк // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве : материалы конференции (г. Тверь, 26–28 сентября 2003 г.) / под редакцией М.К. Треушникова. Москва : Городец, 2004. С. 57–63.

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-38-40

Значение реформы судебного надзора в гражданском процессе в 2018 году

В статье исследуется вопрос о последствиях изменения отдельных норм Гражданского процессуального кодекса РФ, регулирующих надзорное производство. На основании результатов изучения практики Президиума Верховного Суда Российской Федерации делается вывод о минимальном воздействии изменений на судебную практику по гражданским делам.

Ключевые слова: надзорное производство, судебный надзор, президиум, судебные акты.

Институт надзорного пересмотра в гражданском процессе претерпел некоторые изменения в результате принятия и вступления в силу Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Теперь в порядке надзора по жалобам заинтересованных лиц могут быть пересмотрены исключительно судебные постановления Верховного Суда РФ (ВС), принятые по первой инстанции, если указанные судебные постановления были предметом апелляционного рассмотрения, определения Апелляционной коллегии ВС, а также определения судебных коллегий ВС, вынесенные ими в кассационном порядке (п. 3, 4 и 6 ч. 2

ст. 391.1 Гражданского процессуального кодекса РФ; ГПК).

Судебная реформа сократила возможности по инициированию надзорного пересмотра судебных постановлений непосредственно заинтересованными лицами, но сохранила обширные дискреционные полномочия руководителей высшего судебного органа по поводу пересмотра любого судебного постановления, вынесенного в порядке, предусмотренном ГПК¹.

¹ В Комментариях к ГПК 2003 года издания отмечалась прямо противоположная тенденция расширения судебно-надзорных прав заинтересованных лиц и сужения — у должностных лиц. Комментарий к ГПК РФ / под ред.

В настоящее время вместе с ограничителем, по выражению Л.А. Тереховой, «достойно ли дело суда третьей инстанции»² действует значительно более строгий ограничитель: «подлежит ли надзорному обжалованию постановление по делу», который отсеивает практически все судебные постановления от этой процессуальной стадии.

Последовательное обжалование судебных постановлений является одним из признаков чрезвычайности стадии гражданского процесса, которого до не столь давнего времени не было³.

Значение суда надзорной инстанции состоит в том, что, во-первых, он является субъектом, имеющим возможность исправить судебную ошибку, допущенную нижестоящими судами и воплощенную во вступившем в законную силу судебном постановлении по конкретному делу, а во-вторых, постановление, вынесенное Президиумом ВС в порядке надзора, может быть новым обстоятельством, с которым закон связывает возможность пересмотра других дел со схожими фактическими обстоятельствами (п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК).

Можно предположить, что сокращение возможности надзорного пересмотра судебных постановлений способно оказать угнетающее воздействие и на исправление судебных ошибок по делам, постановления по которым пересмотрены в надзорном порядке, и по другим делам, в которых надзорные постановления могли бы выступить в роли нового обстоятельства. Для того чтобы установить возможную степень влияния изменений, необходимо изучить существовавшую ранее судебную практику по гражданским делам, а также попытаться установить наличие последствий сходных изменений, произошедших в других процессуальных кодексах.

Содержание нормы Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС), устанавливающей перечень судебных актов, способных выступать предметом надзорного пересмотра по жалобам заинтересованных лиц, не отличается от аналогичной нормы ГПК. Эти нормы синхронно с нормами

ГПК претерпели изменения, в том числе в части сокращения судебных актов, способных быть предметом надзорного пересмотра по жалобам заинтересованных лиц⁴.

Нормы АПК о судебных актах, подлежащих надзорному пересмотру, с момента внесения изменений, связанных с упразднением Высшего Арбитражного Суда, то есть с 2014 года, содержали перечень судебных актов, тождественный ныне содержащимся в ГПК и КАС. Можно сказать, что перечни ГПК и КАС были приведены к общему знаменателю с АПК.

Практика Президиума ВС РФ по пересмотру судебных актов в порядке надзора выглядит следующим образом (см. таблицу):

Предположение об объективном характере необходимости сокращения перечня поднадзорных судебных постановлений, которая вызвана формированием новых апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, опровергается приведенной статистикой. Как видно, суд надзорной инстанции и в дореформенный период не был загружен пересмотром судебных постановлений, исключенных из перечня в ходе реформы.

Столь незначительная надзорная практика по неуголовным делам позволяет прийти к выводу, что сколь-нибудь серьезного влияния на судебную практику она не оказывала ни в форме исправления ошибок по конкретным делам, ни в форме основания для пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам. Следовательно, сокращение перечня судебных актов, которые могут быть предметом пересмотра в порядке надзора, также не окажет существенного влияния на судебную практику по гражданским делам.

По существу, внося изменения в перечень поднадзорных судебных актов, законодатель не имел намерения создать действующий механизм усовершенствованного надзорного пересмотра, способного исправлять ошибки по конкретным делам и служить основанием для пересмотра состоявшихся судебных актов по новым обстоятельствам, а лишь легитимизировал фактическое неиспользование судом надзорной инстанции своих полномочий по пересмотру части судебных актов и формированию судебной практики.

50 лет назад в докторской диссертации К.И. Комиссаров высказывал предложение

В.И. Радченко. М., 2003. С. 617 (автор комментария — К.И. Комиссаров).

² Терехова Л.А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М.: Волтерс Клувер, 2007. 320 с. // СПС «Консультант-Плюс».

³ Борисова Е.А. Проверка судебных актов по гражданским делам. М.: Городец, 2005. 304 с. // СПС «Консультант-Плюс».

⁴ В КАС отсутствуют нормы, наделяющие Председателя ВС РФ и его заместителей полномочиями по внесению представления о пересмотре любых судебных актов в порядке надзора.

Таблица

	2015 год ¹	2016 год ²	2017 год ³	2018 год ⁴	2019 год ⁵
Рассмотрено в порядке надзора уголовных дел	141	161	223	242	204
Рассмотрено в порядке надзора административных дел	1 ⁶	16 ⁷	0	1 ⁸	1 ⁹
Рассмотрено в порядке надзора арбитражных дел	4 ¹⁰	4 ¹¹	0	1 ¹²	1 ¹³
Рассмотрено в порядке надзора гражданских дел	1 ¹⁴	8 ¹⁵	0	1 ¹⁶	0

Примечания:

¹ Обзор статистических данных о рассмотрении в ВС в 2015 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. URL: <http://vsrf.ru/documents/statistics/15218/> (дата обращения: 31.07.2020).

² Обзор... в 2016 году. URL: <http://vsrf.ru/documents/statistics/26205/> (дата обращения: 31.07.2020).

³ Обзор... в 2017 году. URL: <http://vsrf.ru/documents/statistics/26563/> (дата обращения: 31.07.2020).

⁴ Обзор... в 2018 году. URL: <http://vsrf.ru/documents/statistics/27651/> (дата обращения: 29.07.2020).

⁵ Обзор... в 2019 году. URL: <http://vsrf.ru/documents/statistics/28771/> (дата обращения: 29.07.2020).

⁶ Предмет пересмотра — решение.

⁷ Решения Дисциплинарной коллегии ВС.

⁸ Апелляционное определение Апелляционной коллегии ВС.

⁹ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам ВС.

¹⁰ Решения, постановления судов апелляционной и кассационной инстанций.

¹¹ 3 решения, постановления апелляционной, первой и второй кассационной инстанции (хотя они и не указаны в ч. 3 ст. 308.1 АПК), 1 — кассационное определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС.

¹² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС.

¹³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС.

¹⁴ Кассационное определение.

¹⁵ кассационных определений Судебной коллегии по гражданским делам ВС, 2 решения районных судов по представлению заместителя председателя ВС.

¹⁶ Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС.

об упразднении пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, который в то время реально поглощался надзорным пересмотром⁵. Однако развитие гражданского процесса в последние 30 лет пошло в обратном направлении — сокращения судебного надзора и расширения пересмотра по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, чему

в значительной степени способствовали усилия высших судебных инстанций.

В настоящее время в итоге процессуальной реформы 2018 г. заинтересованные лица получили судебный надзор как чрезвычайную стадию гражданского процесса, ограниченную строгой последовательностью обжалования, с правом обращения с надзорной жалобой только на судебный акт инстанции, стоящей в инстанционной системе лишь на одну ступень ниже. Однако полномочия должностных лиц ВС остались защищены от процессуальной реформы.

⁵ Комиссаров К.И. Теоретические основы судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 493.

Литература

1. Борисова Е.А. Проверка судебных актов по гражданским делам / Е.А. Борисова. Москва : Городец, 2005. 304 с.
2. Комиссаров К.И. Теоретические основы судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства : диссертация доктора юридических наук / К.И. Комиссаров. Свердловск, 1971. 549 с.
3. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации : [введен в действие с 1 февраля 2003 г.] / Д.Б. Абушенко [и др.] ; под общей редакцией и со вступительной статьей В.И. Радченко. Москва : Норма, 2003. 737 с.
4. Терехова Л.А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты / Л.А. Терехова. Москва : Волтерс Клувер, 2007. 320 с.

Тимофеев Юрий Алексеевич,
доцент кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
ritatim@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-41-43

Сближение процессуальных правил пересмотра судебных актов

Реформы последних десяти лет в значительной степени привели к сближению системы пересмотра судебных актов в Гражданском процессуальном кодексе РФ и Арбитражном процессуальном кодексе РФ. Установлена единая модель смешанной апелляции, функции кассационной проверки переданы монофункциональным кассационным судам, экстраординарный пересмотр сконцентрирован на уровне Верховного Суда Российской Федерации. Это привело к схожести правового регулирования проверочной деятельности, установлению однотипных процессуальных правил производства в судах всех проверочных инстанций, что свидетельствует об универсальности системы пересмотра судебных актов.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, система пересмотра судебных актов, монофункциональные суды проверочных инстанций.

Одним из направлений проводимой судебной реформы, обозначенных в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса, является унификация процессуального законодательства, призванная устранить противоречия между существующими двумя отраслями процессуального права (гражданский и арбитражный процесс)¹, осуществляемая посредством сближения процессуальных правил рассмотрения и разрешения гражданских дел, в том числе в сфере пересмотра судебных актов.

Построение системы пересмотра судебных актов находится в зависимости от системы судов первой инстанции и надстройки из вышестоящих судов, которые могут выступать проверочными инстанциями, но в части регламентации процессуальных правил, система пересмотра носит универсальный характер. Внутренняя организация проверочной деятельности и применяемые процессуальные формы, как правило, не зависят от характера спорного правоотношения и субъектного состава его участников. Универсальность процессуальной формы пересмотра судебных актов позволяет достичь высокого уровня гар-

монизации применяемых процессуальных правил при единстве подходов к использованию различных способов пересмотра судебных актов.

Система пересмотра судебных актов имеет две стороны — судоустройственную и судопроизводственную. Первая включает построение судебной системы, при котором может быть реализовано правило последовательного обжалования. Система пересмотра должна исключать дублирование процессуальных функций, но обеспечивать выявление и устранение судебных ошибок, способствовать достижению однородности и стабильности судебной практики, единства понимания, толкования и применения норм права на всей территории страны. Судопроизводственная сторона должна обеспечивать организацию проверочной деятельности, отвечающую требованиям эффективного средства правовой защиты. Эффективность определяется доступностью обращения в суды проверочных инстанций, наличием у них достаточных процессуальных средств для выполнения возложенной на них функции гражданского судопроизводства по пересмотру решений, определений и постановлений для выявления и устранения судебных ошибок².

¹ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (Вступительное слово П. В. Крашенинникова): одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124 (1). М.: Статут, 2015. С. 11.

² Зайцев И. М. Процессуальные функции гражданского судопроизводства. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. С. 9.

Построение системы пересмотра судебных актов может предусматривать существование монофункциональных судов проверочных инстанций или допускать объединение в одном судебном органе нескольких инстанций, что в принципе нежелательно. В настоящее время заложенная в Арбитражном процессуальном кодексе РФ (АПК) идея монофункциональных судов проверочных инстанций, при которой определенное звено выполняет функции апелляционной либо кассационной проверки, частично перенесена на подсистему судов общей юрисдикции посредством создания в ней отдельных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, что делает систему пересмотра судебных актов более стройной и логически структурированной. Концентрация экстраординарного пересмотра на уровне Верховного Суда Российской Федерации призвана обеспечивать единство толкования и применения закона всеми судами.

И.В. Решетникова оценивает происходящий процесс сближения процессуальных правил АПК и Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК) как «фрагментарную унификацию», т.е. унификацию определенных процессуально-правовых институтов³. Внесенные в течение последнего десятилетия изменения, направленные на сближение процессуального законодательства в сфере пересмотра судебных актов, в значительной степени позволили достичь обозначенных при разработке Концепции единого Гражданского процессуального кодекса целей. Можно выделить ряд изменений, внесенных в ГПК и АПК с 2010 г., направленных на гармонизацию процессуального законодательства, путем создания единообразных правовых предписаний, обеспечивающих преодоление различий в правовом регулировании определенных отношений⁴.

Федеральный закон от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ заложил основу гармонизации

гражданского и арбитражного процессов в сфере апелляционного производства. Для пересмотра всех не вступивших в законную силу решений судов общей юрисдикции с 1 января 2012 г. введена единая модель смешанной апелляции, которая успешно применяется и положительно зарекомендовала себя в арбитражном процессе.

Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 186-ФЗ в АПК существенно изменено регулирование производства в проверочных инстанциях, действующих на уровне Верховного Суда Российской Федерации. Новое регулирование стало симбиозом ранее знакомого арбитражному процессу надзорного производства в Президиуме Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и регулирования производства во второй кассационной и надзорной инстанциях по правилам ГПК. Необходимость такого сближения обусловлена тем, что проверочная деятельность осуществляется структурными подразделениями одного судебного органа — Верховного Суда Российской Федерации, которые должны действовать по единым или, как минимум, по схожим процессуальным регламентам.

Значительной вехой на пути гармонизации процессуального законодательства в сфере пересмотра судебных актов стал Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ, которым в системе судов общей юрисдикции были созданы отдельные самостоятельные кассационные суды общей юрисдикции и апелляционные суды общей юрисдикции. Это позволило выстроить систему последовательного обжалования в подсистеме судов общей юрисдикции, схожую с пересмотром судебных актов в подсистеме арбитражных судов.

Следующим, логически вытекающим из предыдущего этапом реформирования стала гармонизация процессуальных правил производства в судах кассационной инстанции. При регулировании процессуальной деятельности кассационных судов общей юрисдикции законодатель отказался от сохранения правил производства в президиумах областных и приравненных к ним судов, взяв за основу модель про-

³ Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019. С. 173.

⁴ Брановицкий К.Л. Сближение (гармонизация) гражданского процессуального права в рамках Европейского Союза и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект). М.: Статут, 2018. С. 16.

изводства в арбитражных судах округов. Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ правила кассационного производства в арбитражных судах округов в определенной степени были перенесены в ГПК для кассационных судов общей юрисдикции. Можно сказать, что указанный закон существенным образом способствовал процессу гармонизации всей системы пересмотра судебных актов по гражданским делам в подсистемах судов общей юрисдикции, арбитражных судов и Верховном Суде Российской Федерации.

Существующая система судов, осуществляющих пересмотр вступивших в законную силу судебных актов, сейчас построена таким образом, что допускает в будущем возможность слияния кассационных судов общей юрисдикции с арбитражными судами округов и создания единой, общей для судов общей юрисдикции и арбитражных судов системы пересмотра вступивших в законную силу судебных актов (кассационного и надзорного), действующей по единому процессуальному регламенту.

Обращаясь к судопроизводственной стороне системы пересмотра судебных актов, следует отметить, что ее совершенствование идет по пути гармонизации применяемых процессуальных правил, оптимизации процессуальной деятельности и обеспечения процессуальной экономии. Несмотря на высокий уровень достигнутой гармонизации процессуального законодательства, регулирующего пересмотр судебных актов, тем не менее сохраняются значительные различия, в основе которых достаточно часто лежит использование отличающейся юридической техники,

применяемой для изложения схожих по существу нормативных предписаний. Сохраняются различия в регулировании апелляционной проверки определений, а также судебных актов, принятых в порядке упрощенного производства. Эти различия не обусловлены спецификой проверочной деятельности и в перспективе могут быть устранены посредством введения единых правил, что уже просматривается в особенностях пересмотра решений, принятых в порядке упрощенного производства (единоличный состав суда, письменная форма). Применительно к кассационному производству требуют гармонизации сроки подачи кассационных жалоб, правила кассационной проверки судебных приказов и решений, принятых в порядке упрощенного производства.

Подводя некоторые итоги, отметим, что создание в подсистеме судов общей юрисдикции монофункциональных судов проверочных инстанций, консолидация кассационного и надзорного пересмотра на уровне Верховного Суда Российской Федерации позволяют говорить о построении эффективной системы последовательного пересмотра судебных актов. Такое построение системы судов проверочных инстанций выступает предпосылкой и основой для сближения процессуального законодательства в сфере пересмотра судебных актов. Тенденция сближения процессуального приобретает устойчивый характер, что способствует его гармонизации и подтверждает единство функции гражданского судопроизводства по пересмотру решений, определений и постановлений для выявления и устранения судебных ошибок и универсальность правил ее реализации.

Литература

1. Брановицкий К.Л. Сближение (гармонизация) гражданского процессуального права в рамках Европейского Союза и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект) / К.Л. Брановицкий. Москва : Статут, 2018. 399 с.
2. Зайцев И.М. Процессуальные функции гражданского судопроизводства : монография / И.М. Зайцев. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 138 с.
3. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / вступительное слово П.В. Крашенинникова. Москва : Статут, 2015. 224 с.
4. Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве : избранное / И.В. Решетникова. Москва : Статут, 2019. 510 с.

**Гребенцов
Александр Михайлович,**
доцент кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
agreb1976@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-44-46

Возражения на кассационную жалобу в гражданском судопроизводстве в кассационном суде общей юрисдикции: недостатки правового регулирования

Статья посвящена проблеме правового регулирования процедуры предоставления возражений (отзыва) на кассационную жалобу при кассационном производстве в кассационном суде общей юрисдикции. В статье указывается на отсутствие в Гражданском процессуальном кодексе РФ процедуры предоставления возражений на кассационную жалобу с учетом принципа состязательности и равноправия сторон и предлагается разрешение данной проблемы.

Ключевые слова: кассационное производство, кассационный суд общей юрисдикции, принцип состязательности и равноправия сторон, возражения (отзыв) на кассационную жалобу.

Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ в Гражданский кодекс РФ (ГПК РФ, ГПК) введен § 1 гл. 41 «Кассационное производство», посвященный правилам производства в так называемой «сплошной кассации» в специально созданных для этого кассационных судах общей юрисдикции или, как ее справедливо называют некоторые авторы, непосредственной, уведомительной кассации¹.

Правильность самой по себе идеи «сплошной кассации» и отделение ее от иных судов общей юрисдикции уже давно признаны практически всеми учеными и практикующими юристами и сомнений не вызывают².

¹ Борисова Е.А. Новая кассация по гражданским делам: вопросы теории, истории, практики // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Борисова Е.А. Новеллизация законодательства в сфере проверки судебных актов по гражданским и административным делам: цели и средства их достижения // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2 // СПС «КонсультантПлюс»; Панкратова Н.А. Анализ некоторых новелл института кассационного пересмотра в гражданском и административном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 55–56; Даутия Т.В. Проблемные аспекты апелляционного и кассационного судопроизводства в рамках проводимой судебной реформы 2019 года // СПС «КонсультантПлюс».

При этом конкретные правила рассмотрения кассационных жалоб (представлений) в кассационном суде общей юрисдикции далеки от совершенства и нередко не согласуются с сущностью правосудия как особой формы государственной деятельности, характеризующейся в том числе императивной возможностью лиц, участвующих в деле, быть своевременно информированными о любых процессуальных документах, представленных в суд другими лицами.

В настоящей статье рассмотрим один из недостатков, на наш взгляд, правового регулирования гражданского судопроизводства в кассационном суде общей юрисдикции относительно процедуры подачи возражений (отзыва) на кассационную жалобу.

Вначале обратим внимание на терминологический аспект данной проблемы. Так, в главах ГПК РФ, посвященных пересмотру судебных актов, говорится о возражениях на жалобу (апелляционную или кассационную). По нашему мнению, это терминологически неверно, поскольку понятие «возражение» означает несогласие с чем-либо. Однако при множественности лиц, участвующих в деле, существуют и согласные с доводами апелляционных или кассационных жалоб (например, со-

участники стороны, подавшей жалобу, или третьи лица).

В этом смысле арбитражно-процессуальное законодательство использует более правильный термин — «отзыв на жалобу», который по своему содержанию может быть в одном случае возражением на жалобу, а в другом — согласием с ней (ст. 262, 279 Арбитражного процессуального кодекса РФ; АПК РФ, АПК)³.

Для удобства мы будем использовать термин «отзыв (возражения)».

Следует отметить, что ни в одной норме § 1 гл. 41 ГПК РФ не упоминается о праве лиц, участвующих в деле, подать отзыв (возражения) на кассационную жалобу (представление). Соответственно, нет и нормативно регламентированного порядка подачи такого отзыва (возражений).

Единственное упоминание о возражениях на жалобу можно обнаружить в абз. 2 ч. 10 ст. 379.5 ГПК РФ, согласно которому с учетом характера и сложности рассматриваемого вопроса, а также доводов кассационных жалобы, представления и *возражений относительно них* суд может вызвать лиц, участвующих в деле, в судебное заседание.

На наш взгляд, такая ситуация является недостатком правового регулирования, влияющим на соблюдение прав и законных интересов как минимум лиц, подавших кассационную жалобу (представление)⁴.

Возможность наличия у суда возражений на кассационную жалобу (представление) вытекает из положений абз. 2 ч. 10 ст. 379.5 ГПК РФ, но при этом не регламентированы порядок подачи таких возражений и последствия нарушения такого порядка. Безусловно, право на подачу отзыва (возражений) на любой процессуальный документ можно вывести из общих прав и обязанностей лиц, участвующих в деле. Однако само такое право должно быть подкреплено обязанностью известить об этом других лиц, участвующих в деле, и самое

главное — последствием неисполнения такой обязанности.

Отзыв (возражения) на кассационную жалобу является важным процессуальным документом, содержащим доводы лица относительно жалобы, о чем в силу принципа состязательности и равноправия сторон должны знать все лица, участвующие в деле. Важность данного процессуального документа подтверждается и нормой абз. 2 ч. 10 ст. 379.5 ГПК РФ, которая в качестве основания для проведения судебного заседания указывает доводы возражений на кассационную жалобу.

Если при рассмотрении кассационных жалоб по делам, по которым обязательно проведение судебного заседания в кассационном суде общей юрисдикции, можно будет узнать о позиции противоположной стороны по жалобе в ходе судебного заседания суда кассационной инстанции, то по делам, по которым не проводится судебное заседание (ч. 10 ст. 379.5 ГПК РФ), узнать содержание возражений на жалобу в случае неинформирования об этом других лиц очень затруднительно, а порой невозможно (надо либо просить суд отправить возражения, что не входит в обязанность суда, либо знакомиться с делом, но в силу факторов временного и (или) территориального характера это, как правило, не имеет эффекта)⁵.

На практике кассационные суды общей юрисдикции в определениях о принятии кассационных жалоб (представлений) указывают на право лиц, участвующих в деле, направить в суд возражения на кассационную жалобу и даже устанавливают срок для этого. При этом в таких определениях суды не указывают обязанность лиц, подающего возражения на жалобу, отправить их другим лицам, участвующим в деле, и последствия несоблюдения такой обязанности.

С точки зрения формального подхода это соответствует нормам ГПК РФ, которые такой обязанности не устанавливают. Однако из принципа состязательности и

³ При этом, конечно же, в судах общей юрисдикции не запрещено выражать в письменном виде аргументированное согласие с доводами апелляционной или кассационной жалобы.

⁴ Следует отметить, что аналогичная ситуация имеет место и в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации.

⁵ С введением в судах общей юрисдикции полноценного электронного документооборота и возможности знакомиться с материалами дела в электронном виде данная проблема, возможно, отпадет сама собой, но этот «счастливый» для практикующих юристов момент наступит не скоро.

равноправия сторон такая обязанность безусловно следует.

Так, в арбитражном процессе отзыву на кассационную жалобу посвящена отдельная статья (ст. 279 АПК РФ). В указанной норме предусмотрена возможность подачи отзыва на кассационную жалобу и указан порядок подачи отзыва. К отзыву, направляемому в арбитражный суд, прилагается также документ, подтверждающий направление отзыва другим лицам, участвующим в деле. Отзыв направляется заказным письмом с уведомлением о вручении в срок, обеспечивающий возможность ознакомления с отзывом до начала судебного заседания.

На практике арбитражные суды принимают также доказательства отправки отзыва лицам, участвующим в деле, по электронной почте.

Следует отметить, что в ст. 279 АПК РФ не предусмотрены последствия ненаправления отзыва на кассационную жалобу лицам, участвующим в деле. При этом в ходе рассмотрения кассационных жалоб арбитражные суды при отсутствии доказательств отправки (передачи) отзыва лицам, участвующим в деле, справедливо отказывают в приобщении такого отзыва к материалам дела и не рассматривают его в ходе судебного заседания, поскольку такая ситуация нарушает принцип состязательности и равноправия сторон.

Несомненно, на наш взгляд, законодатель должен устранить указанный недостаток правового регулирования в правилах ГПК РФ, посвященных кассационному производству, путем внесения соответствующих изменений и дополнений в законодательство.

Кроме того, при отсутствии законодательных изменений и дополнений Верховный Суд Российской Федерации на основании аналогии процессуального закона (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ) может дать руководящие разъяснения по указанной проблеме в соответствующем постановлении Пленума, необходимость которого очевидна, так как Постановление Пленума ВС РФ от 11 декабря 2012 г. № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» устарело и не соответствует новым правилам ГПК РФ о «сплошной кассации».

И наконец, сами кассационные суды общей юрисдикции, не дожидаясь соответствующих изменений и дополнений в ГПК или разъяснений Пленума ВС РФ, должны, по нашему мнению, руководствуясь аналогией закона (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ), применять положения ст. 279 АПК РФ и не только разъяснять лицам, участвующим в деле, право на подачу отзыва (возражений) на кассационную жалобу, но и устанавливать обязанность по их заблаговременной отправке другим лицам. В случае непредставления доказательств заблаговременной отправки отзыва (возражений) кассационный суд не вправе приобщать такой отзыв к материалам дела.

Такая процессуальная модель поведения суда будет в полной мере соответствовать принципу состязательности и равноправия сторон и обеспечивать гарантии прав и законных интересов всех участников кассационного производства в кассационном суде общей юрисдикции.

Литература

1. Борисова Е.А. Новая кассация по гражданским делам: вопросы теории, истории, практики / Е.А. Борисова // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 21–41.
2. Борисова Е.А. Новеллизация законодательства в сфере проверки судебных актов по гражданским и административным делам: цели и средства их достижения / Е.А. Борисова // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 53–85.
3. Даутия Т.В. Проблемные аспекты апелляционного и кассационного судопроизводства в рамках проводимой судебной реформы 2019 года / Т.В. Даутия // СПС «КонсультантПлюс». 2019.
4. Панкратова Н.А. Анализ некоторых новелл института кассационного пересмотра в гражданском и административном судопроизводстве / Н.А. Панкратова // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 54–59.

Подольский

Юрий Дмитриевич,

преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, адвокат адвокатского бюро 'Urals Legal', кандидат юридических наук
Yd.podolsky@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-47-49

Процессуальная реформа в банкротстве: внесудебное формирование реестра требований

Статья посвящена некоторым аспектам и проблемам реформирования института банкротства в России на современном этапе. Изменения касаются процессуального порядка рассмотрения важнейших обособленных споров — споров включения требований кредиторов в реестр. Автор приходит к выводу о необходимости учета особенностей и значения судебных актов как правового явления при изменении закона.

Ключевые слова: арбитражный процесс, несостоятельность (банкротство), обособленные споры, требования кредиторов, судебные акты.

1. В большинстве государств рассмотрение дел о банкротстве традиционно составляет компетенцию государственного органа судебной власти. Как правило, такой судебный орган имеет специализацию по рассмотрению дел о банкротстве¹. Кроме этого, процедуры проходят с участием арбитражного управляющего, который, по мнению некоторых ученых², имеет публично-правовой статус. Этим обеспечивается соблюдение прав и законных интересов большого круга участвующих в правоотношениях несостоятельности лиц, законность, некоторый публичный контроль. Однако это имеет и недостатки — в деле о банкротстве есть множество обособленных споров, которые существенно нагружают судебную систему, при этом зачастую фактически не требуют полномасштабной юрисдикционной деятельности суда.

2. В настоящий момент Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации рассматривается законопроект № 598603-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»». Предлагается отнести вопросы формирования реестра к компетенции арби-

тражного управляющего, и только в случае возникновения спора — рассматривать таковой в суде. Как указывается в пояснительной записке к законопроекту, «действующее правовое регулирование требует соблюдения одинакового порядка рассмотрения как тех требований, которые бесспорны, так и тех требований, где имеются возражения иных кредиторов». Цели законодателя, исходя из поставленных выше проблем, не вызывают вопросов. При этом способы их достижения, на наш взгляд, требуют обсуждения и дополнительной проработки.

3. Известно, что порядок внесудебного включения требований в реестр уже существовал в России³. Возражения против включенных управляющим требований рассматривались в порядке разрешения разногласий. При переходе к строгому судебному порядку принимались аргументы о необходимости эффективной защиты прав добросовестных кредиторов от конкурирующих необоснованных требований, констатировалось недостаточное обеспечение независимости арбитражных управляющих⁴.

¹ Подробнее об этом: Подольский Ю.Д. Обособленные споры в делах о несостоятельности (банкротстве): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 15–17.

² Дорохина Е.Г. Правовой статус арбитражного управляющего в деле о банкротстве организаций: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 6–7, 13–14; Конкурсное производство: учебно-практический курс / под ред. В.В. Яркова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.

³ См., например, п. 4 ст. 4, п. 1 и 3 ст. 63 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

⁴ См., например: Яковлев В.Ф. Необходимо менять закон о банкротстве // Ведомости. 2001; Витрянский В.В. Понятие, критерии и признаки несостоятельности // Специальное приложение к Вестнику Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2001. № 3; Письмо Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 января 1999 г. № С1-7/УП-61 «О применении законодательства о несостоятельности (банкротстве)».

Подобные опасения сохраняют актуальность и сейчас, о чем свидетельствует практика СКЭС ВС РФ при рассмотрении требований аффилированных кредиторов, вопросов ответственности контролирующих лиц, арбитражных управляющих.

4. Суть возражений с процессуально-правовой точки зрения состоит в том, что значение судебного акта о включении требований в реестр не ограничивается эффектом присуждения как возможности принудительной реализации материально-правового требования (разрешение исполнительного иска). При допустимой дискуссионности этого вопроса⁵ его значение может состоять и в констатирующем, установительном эффекте такого судебного акта (иск о признании)⁶.

Могут ли перечисленные последствия этого эффекта судебного акта о признании требований кредитора возникать в силу акта арбитражного управляющего? Представляется, что это как минимум спорно.

Рассмотрение возражений на включенное управляющим требование (п. 10 ст. 16 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в проекте) также вызывает вопросы. Неясно, могут ли заявить возражения против требования те кредиторы, которые появились в деле уже после истечения срока на возражения? Возможно ли повторное рассмотрение возражений на рассмотренное судом требование кредитора, если о таких возражениях заявляет лицо, получившее процессуальный статус позднее вступления в законную силу судебного акта о результатах проверки возражений? Эти и многие другие вопросы не находят ответа в представленном ко второму чтению законопроекте.

5. Вызывает возражения концептуального характера избранный в проекте способ обеспечения прав кредиторов на возражение против подтвержденного судебным актом требования кредитора-конкурента (п. 12 ст. 16 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в проектируемой редакции). Законопроект исходит из необходимости пересмотра судебного акта по новым и вновь открывшимся обстоятельствам с участием всех заинтересованных лиц, участвующих в деле о банкротстве. Следует положительно отметить попытку установле-

ния в законе непреложного права арбитражного управляющего и всех заинтересованных лиц (в первую очередь заявившихся в дело о банкротстве кредиторов) на участие в таком процессе. Однако при допустимости обжалования кредиторами по делу о банкротстве судебного акта в общеисковом порядке возникает ряд вопросов:

- с какого момента кредитор приобретает право на обжалование;
- допустимо ли восстановление пропущенного процессуального срока;
- насколько обоснован выбор процессуального порядка, в котором рассматривается такое возражение кредитора (пересмотр по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, а не апелляционный, кассационный пересмотр);
- как будет функционировать предложенный механизм в условиях разного уровня специализации арбитражных судов и судов общей юрисдикции при необходимости единообразного применения норм, стандартов доказывания?

Все перечисленные вопросы возникают потому, что действующая парадигма исходит из безусловной законной силы судебных актов по искам, поданным до возбуждения процедуры по делу о банкротстве. Между тем правильнее было бы, на наш взгляд, допустить для таких судебных актов возможность их опровержения именно в рамках дела о банкротстве. В таком случае не будет необходимости в праве на обжалование таких актов в общеисковом порядке для кредиторов и арбитражного управляющего должника — их право на возражение может быть эффективно реализовано в деле о банкротстве при включении требований в реестр.

6. Представляется, что при наличии концептуальных юридических возражений, которые основаны на теории цивилистического процесса, обоснование всех вносимых в закон упрощающих изменений «снижением нагрузки на судебную систему» недостаточно. Такие изменения должны опираться на серьезную теоретическую основу, в противном случае это снова придется делать при малейшем изменении обстановки. Следует согласиться с профессором В.В. Ярковым, что «необходимо создание условий для предупреждения конфликтов, а не рассматривать судебную форму защиты гражданских прав как практически основную»⁷.

⁵ Подробнее см.: Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве: монография / Уральск. гос. юрид. ун-т, каф. гражд. процесса. М.: Статут, 2020. С. 135–139.

⁶ См., например: Бруско Б.С. Категория защиты в российском конкурсном праве. М.: Волтерс Клувер, 2006. 200 с.

⁷ Ярков В.В. Проект процессуальной реформы: quo vadis? // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 14.

Литература

1. Бруско Б.С. Категория защиты в российском конкурсном праве / Б.С. Бруско. Москва : Волтерс Клувер, 2006. 200 с.
2. Витрянский В.В. Понятие, критерии и признаки несостоятельности / В.В. Витрянский // Специальное приложение к Вестнику Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2001. № 3. С. 47–52.
3. Дорохина Е.Г. Правовой статус арбитражного управляющего в деле о банкротстве организаций : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.Г. Дорохина. Москва, 2004. 16 с.
4. Конкурсное производство : учебно-практический курс / под редакцией В.В. Яркова. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 565 с.
5. Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве : монография / Ю.Д. Подольский. Москва : Статут, 2020. 171 с.
6. Подольский Ю.Д. Обособленные споры в делах о несостоятельности (банкротстве) : диссертация кандидата юридических наук / Ю.Д. Подольский. Екатеринбург, 2018. 213 с.
7. Яковлев В.Ф. Необходимо менять закон о банкротстве / В.Ф. Яковлев // Ведомости. 2001. № 20. С. 21–29.
8. Ярков В.В. Проект процессуальной реформы: quo vadis? / В.В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 10–14.

Раздьяконов**Евгений Сергеевич,**

доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
E.Razdyakonov@gmail.com

Тарасов**Игорь Николаевич,**

доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
aspir@usla.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-49-51

Итоги процессуальной реформы процедуры разрешения корпоративных споров

В статье рассматриваются отдельные итоги процессуальной реформы в части разрешения судами корпоративных споров. Авторами сформулировано четыре основных тезиса, отражающих суть этой реформы: разделение компетенции по корпоративным спорам между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, расширение арбитрабельности корпоративных споров, реализация принципа однократного рассмотрения корпоративных споров, закрепление новых субъектов гражданского судопроизводства по корпоративным спорам, не поименованных в общей части Арбитражного процессуального кодекса РФ и Гражданского процессуального кодекса РФ.

Ключевые слова: корпоративный спор, корпорация, третьи лица, процессуальные права, процессуальный статус, реформа.

Прошедшая процессуальная реформа затронула порядок разрешения судами дел по корпоративным спорам. Это нашло отражение и в прямом изменении за-

конодателем отдельных процессуальных норм, непосредственно регулирующих отправление правосудия по корпоративным спорам, и в изменении норм институтов

общей части Арбитражного процессуального кодекса РФ и Гражданского процессуального кодекса РФ (АПК РФ и ГПК РФ), применяемых при разрешении в том числе корпоративных споров (например, процессуальных норм о разграничении компетенции). Основные итоги процессуальной реформы процедуры разрешения корпоративных споров можно отразить в следующих тезисах.

Разделение компетенции по корпоративным спорам между судами общей юрисдикции и арбитражными судами. С 2009 года в АПК РФ был реализован принцип специальной подведомственности корпоративных споров арбитражным судам. На тот момент этот шаг законодателя был обусловлен задачей концентрации данной категории дел в введении арбитражных судов в целях обеспечения единства судебной практики, исключения конкуренции судебных актов судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Впервые в руководящих разъяснениях обновленного ВС РФ указание об отнесении части корпоративных споров к компетенции судов общей юрисдикции появилось в 2015 г.¹. Данная правовая позиция в дальнейшем была воспроизведена в новом п. 8 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ, который был введен Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ. Согласно данной норме суды общей юрисдикции рассматривают дела по корпоративным спорам, связанным с созданием, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся некоммерческой организацией, за исключением некоммерческих организаций, дела по корпоративным спорам которых отнесены к подсудности арбитражных судов. Одновременно с появлением п. 8 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ претерпела изменение норма ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ, сократившая количество корпоративных споров, относимых к компетенции арбитражных судов.

Расширение арбитрабельности корпоративных споров. Следствием установленного в 2009 г. правила специальной подведомственности корпоративных спо-

ров арбитражным судам была дискуссия о возможности рассмотрения корпоративных споров третейскими судами². Обновление в ходе процессуальной реформы законодательства о третейских судах расширило их компетенцию и положило конец данной дискуссии в силу прямого закрепления в законе арбитрабельности корпоративных споров (ст. 225.1 АПК РФ, ст. 7 и 45 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и др.).

Реализация принципа однократного рассмотрения корпоративного спора. Он позволяет избежать обращение отдельных участников корпоративного спора с тождественными исками в суд. Например, основание оспорить решение общего собрания могут сразу несколько участников корпорации. Ранее каждый из них мог инициировать самостоятельный процесс. Сейчас это по общему правилу исключается в силу действия правила «один корпоративный спор — один судебный процесс». Элементом позитивного закрепления данного принципа является правило п. 6 ст. 181.4 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), согласно которому участники корпорации, не присоединившиеся к иску об оспаривании решения общего собрания, в том числе имеющие иные основания для его оспаривания, в последующем не вправе обращаться в суд с требованиями об оспаривании данного решения, если только суд не признает причины нового обращения уважительными. Также данный принцип находит свое отражение в п. 31 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25, п. 2 ст. 65.2 ГК РФ, согласно которым по общему правилу участники корпорации, не присоединившиеся к иску о возмещении причиненных корпорации убытков либо к иску о при-

¹ Постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 30 // БВС РФ. 2015. № 8.

² Раздьяконов Е.С., Тарасов И.Н. Актуальные проблемы производства по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда // Российский юридический журнал. 2017. № 5 (116). С. 159–161; Скворцов О.Ю. Арбитрабельность корпоративных споров // Третейский суд. 2011. № 6. С. 13–15; Габов А.В., Молотников А.Е., Глазкова М.Е. Подведомственность корпоративного спора с позиции толкования норм материального и процессуального права // Законодательство. 2013. № 11. С. 64–65.

знании недействительной совершенной корпорацией сделки или о применении последствий недействительности сделки, в последующем не вправе обращаться в суд с тождественными требованиями. В дальнейшем в ходе процессуальной реформы появилась норма ч. 3 ст. 225.2 АПК РФ (введена Федеральным законом от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ), описывающая процессуальный статус возможных участников корпоративного спора. Главной ее особенностью является то, что закон закрепил определенную процессуальную альтернативу для участников арбитражного процесса в выборе процессуального статуса. В настоящее время участник юридического лица вправе не присоединяться к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, а самостоятельно вступить в дело на стороне истца. Ранее в рамках применения упомянутых выше п. 6 ст. 181.4 ГК РФ и п. 2 ст. 65.2 ГК РФ для лиц, согласных с заявленным требованием по корпоративным спорам о возмещении убытков, причиненных корпорации, признании недействительными сделок корпорации и применении последствий их недействительности, был лишь один вариант определения своего процессуального статуса — присоединение к уже заявленному иску (без статуса соистцов) в порядке производства о защите прав и законных интересов группы лиц.

Закрепление новых субъектов гражданского судопроизводства, не поименованных в общей части АПК РФ и ГПК РФ. В 2009 году в АПК РФ появилась гл. 28.1 о рассмотрении корпоративных споров, при этом никаких изменений в гл. 5 АПК РФ, перечисляющую лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса, внесено не было. В результате этого появились расхождения между общей частью АПК РФ, устанавливающей круг субъектов арбитражного процесса и их процессуальный статус, и особенной частью, в которой появились новые субъекты. На данную проблему ранее уже указывалось в доктрине³. Так, например, корпорация может иметь по делу статус лица, участвующего в деле (например, по иску об оспаривании крупной сделки или сделки, в совершении которой имелась заинтересованность, корпорация выступает в качестве истца). Однако такого статуса у нее может и не быть, тогда применяются специальные нормы, например, правило ч. 2 ст. 225.4 АПК РФ.

³ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Уральский гос. юрид. ун-т; под ред. д.ю.н., проф. В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М., 2020. С. 675–676; Юдин А.В. Процессуальный статус юридического лица по корпоративному спору, рассматриваемому арбитражным судом // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 12. С. 22–24.

Литература

1. Габов А.В. Подведомственность корпоративного спора с позиции толкования норм материального и процессуального права / А.В. Габов, А.Е. Молотников, М.Е. Глазкова // Законодательство. 2013. № 11. С. 56–71.
2. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под редакцией В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. Москва, 2019. 1072 с.
3. Раздьяконов Е.С. Актуальные проблемы производства по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда / Е.С. Раздьяконов, И.Н. Тарасов // Российский юридический журнал. 2017. № 5 (116). С. 157–162.
4. Скворцов О.Ю. Арбитрабельность корпоративных споров / О.Ю. Скворцов // Третейский суд. 2011. № 6. С. 13–15.
5. Юдин А.В. Процессуальный статус юридического лица по корпоративному спору, рассматриваемому арбитражным судом / А.В. Юдин // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 12. С. 22–24.

**Долганичев
Владимир Вениаминович,**
доцент кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
кандидат юридических наук
dolganichev@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-52-54

Некоторые особенности потребительского группового иска в России

Во всем мире групповой иск является эффективным средством защиты прав потребителей. Данный институт позволяет защитить права и интересы множества лиц, пострадавших от массового причинения вреда. Групповой иск в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом РФ также может предъявляться в защиту прав потребителей. При этом он имеет ряд особенностей, которые анализируются в статье.

Ключевые слова: групповой иск, групповое производство, защита прав потребителей.

Защита прав потребителей в настоящий момент имеет большое значение в целом для правовой системы, поскольку каждый из нас является потребителем¹. При этом споров с участием потребителей всегда очень много. Так, по данным судебной статистики, за 2019 г. в России судами общей юрисдикции рассмотрено 292 596 дел о защите прав потребителей².

Зачастую нарушения прав потребителей носят массовый характер. Это те случаи, когда один производитель или продавец производит или продает товар ненадлежащего качества, оказывает некачественную услугу и проч.

В последние годы наметилась тенденция реформирования и создания новых режимов коллективной защиты прав потребителей, в первую очередь это касается стран континентального права. В частности, новые законы были приняты в Германии и Нидерландах.

С 1 ноября 2018 г.³ в Германии действует Закон «О модельных исках о признании»⁴.

При этом одной из нескрываемых причин принятия закона была попытка успеть до истечения трехлетнего срока исковой давности с момента начала 'Dieselskandal Volkswagen' (Dieselgate)⁵ предоставить потребителям возможность заявить свои требования к компании Volkswagen AG (срок исковой давности истек 1 января 2019 г.).

Смысл регулирования заключается в том, чтобы предоставить потребителям возможность эффективной защиты своих прав перед транснациональными компаниями.

В силу положений § 60b Гражданско-го процессуального уложения Германии только специализированные объединения (общества защиты прав потребителей, Союз автомобилистов и т.д.) могут выступить инициаторами обращения в суд с требованием о прекращении того или иного нарушения.

Другим примером реформирования системы коллективной защиты являются Нидерланды. 1 января 2020 года в Нидерландах вступил в силу Закон о возмещении массовых убытков в групповых исках⁶. Дело в том, что действующее до указанного момента законодательство⁷ не позволяло

¹ Иванов А.А. Как перестроить защиту прав потребителей // Закон. 2019. № 1. С. 87–94.

² URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>

³ До указанной даты в Германии предъявление группового иска возможно было только по делам о защите прав инвесторов на рынке ценных бумаг. Подробнее см.: Степанчук М.В. Модельное производство в гражданском процессе Германии // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 12. С. 22–26; Долганичев В.В. Групповой иск и групповое производство в Германии // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 8. С. 36–40.

⁴ Gesetz zur Einführung einer zivilprozessualen Musterfeststellungsklage. URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_

BGBl&jumpTo=bgbl118sl151.pdf#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl118sl151.pdf%27%5D__1586857840027 (дата обращения: 01.08.2020).

⁵ См.: Шрамм Х.-Й. Юридический анализ дизельного скандала в Германии и США — поучительная пьеса на тему защиты прав потребителей // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 11. С. 159–175.

⁶ Wet afwikkeling massaschade in collectieve actie. URL: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/stb-2019-130.html> (дата обращения: 01.08.2020).

⁷ Закон о групповых исках 1994 г. (Act on Collective Action) и Закон о коллективном урегулирова-

использовать такой способ защиты, как возмещение убытков, то есть среди способов защиты допускались только признание права и судебный запрет (в широком смысле), что существенным образом расширяет возможности группового иска в спорах о защите прав потребителей.

С 1 октября 2019 года Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ) дополнен гл. 22.3, посвященной защите прав и законных интересов многочисленной группы лиц. Положения данной главы могут и должны использоваться для защиты прав потребителей. Рассмотрим некоторые ее особенности применительно к защите прав потребителей⁸.

Статья 244.20 ГПК РФ устанавливают следующие условия возбуждения группового производства.

1) имеется общий по отношению к каждому члену группы лиц ответчик;

2) предметом спора являются общие либо однородные права и законные интересы членов группы лиц;

3) в основании прав членов группы лиц и обязанностей ответчика лежат схожие фактические обстоятельства;

4) использование всеми членами группы лиц одинакового способа защиты своих прав;

5) к требованию о защите прав и законных интересов этой группы лиц присоединились не менее двадцати лиц — членов группы лиц.

Говоря об одинаковом способе защиты, следует отметить, что участники группы должны воспользоваться одним из перечисленных в ст. 18 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» прав, в частности:

- потребовать замены на товар этой же марки (этих же модели и (или) артикула);
- потребовать замены на такой же товар другой марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчетом покупной цены;

нии споров по причинению массового ущерба (Collective Settlement of Mass Damage Act 2005). Подробнее см.: Долганичев В.В. Возбуждение и подготовка дел группового производства. С. 47–50.

⁸ Анализ изменений системы групповых исков см.: Долганичев В.В. Новый групповой иск в России: краткий обзор // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 11. С. 14–19; Малешин Д.Я. Новеллы групповых исков // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 94–103.

- потребовать соразмерного уменьшения покупной цены;

- потребовать незамедлительного безвозмездного устранения недостатков товара или возмещения расходов на их исправление потребителем или третьим лицом;

- отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар суммы.

При этом также потребитель может потребовать возмещения убытков и компенсации.

Таким образом, каждый участник группы должен выбрать один из указанных способов защиты. Если же участники группы выбирают разные способы защиты, следовательно, групповой иск не может быть предъявлен, даже если имеются схожие фактические обстоятельства.

Говоря о схожих фактических обстоятельствах, можно отметить любые случаи причинения вреда в результате использования товара ненадлежащего качества, непредоставления информации о товаре и т.д. В приведенных выше примерах это случаи обмана потребителя относительно класса экологической безопасности двигателя, использования лекарств, повлекших вред здоровью. Один из российских примеров — это групповой иск, предъявленный к производителю косметики ООО «Фем Фаталь Рус»: потребители, которым не была предоставлена полная и достоверная информация о приобретенной косметике, потребовали от бренда возмещения суммы покупки и морального вреда⁹.

Отмеченные условия возбуждения группового иска являются крайне важными, поскольку допускают возможность предъявления любых потребительских групповых исков: и о признании, и о приговоре, и преобразовательные.

В ГПК РФ также выделяется условие о многочисленности — численность группы не может быть менее 21 участника. Полагая, что в случае с потребительскими групповыми исками такой подход вполне обоснован и соответствует пониманию того, что такое «многочисленная группа лиц».

⁹ Гражданское дело № 2-1809/2020 рассматривается Московским районным судом г. Чебоксары. URL: https://moskovsky--chv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=46606151&case_uid=c622b51c-c5dd-4d40-8712-d76db004b5b1&delo_id=1540005

Следующим важным элементом системы групповых исков является субъект обращения в суд с таким иском. В мире существует несколько вариантов правового регулирования: групповые иски делятся на публичные, организационные и частные¹⁰. Это означает, что групповой иск может предъявляться только публичными органами и должностными лицами, либо специализированными организациями, либо участниками многочисленной группы лиц.

Согласно ч. 3 и 4 ст. 244.20 ГПК РФ правом на обращение в суд общей юрисдикции с групповым иском обладают следующие лица:

- гражданин и организация, являющиеся членами этой группы лиц;
- орган, организация и гражданин, не являющиеся членами этой группы лиц, в случаях, прямо предусмотренных законом.

Данные положения закона позволяют сказать, что в российском процессуальном законодательстве закреплены все отмеченные виды групповых исков.

При этом закон о защите прав потребителей (гл. IV) определяет круг субъектов обращения в защиту прав потребителей:

- потребитель;
- прокурор;
- Роспотребнадзор¹¹;

- органы местного самоуправления;
- ассоциации и союзы прав потребителей.

Соответственно, исходя из положений ГПК и Закона о защите прав потребителей, указанные субъекты также вправе обращаться в защиту прав потребителей. При этом для последних трех категорий существует ограничение на обращение: они вправе обратиться в суд в защиту прав и законных интересов конкретного потребителя (группы потребителей) только при наличии их соответствующей просьбы (просьб), выраженной в жалобе (жалобах), поданной (поданных) в письменной форме (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»).

Подводя некоторый итог, отметим, что особенности потребительских групповых исков касаются в первую очередь выбора единого способа защиты и субъектов обращения с групповым иском. В этом аспекте потребительский групповой иск имеет более широкие возможности по сравнению с групповыми исками в других сферах, поскольку законодательство о защите прав потребителей увеличивает перечень способов защиты и круг субъектов обращения. Указанное позволяет сказать, что новое регулирование групповых исков должно обеспечить более эффективную, экономную и быструю защиту прав потребителей.

по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека».

¹⁰ См. подробнее: Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М.: Статут, 2011. С. 205; Шандурский Д.И. Правовая природа института организационного группового иска в России // Вестник гражданского процесса. 2018. № 6. С. 210.

¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. № 322 «Об утверждении Положения о Федеральной службе

Литература

1. Долганичев В.В. Новый групповой иск в России: краткий обзор / В.В. Долганичев // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 11. С. 14–19.
2. Иванов А.А. Как перестроить защиту прав потребителей / А.А. Иванов // Закон. 2019. № 1. С. 87–94.
3. Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России / Д.Я. Малешин. Москва: Статут, 2011. 409 с.
4. Малешин Д.Я. Новеллы групповых исков / Д.Я. Малешин // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 94–103.
5. Шандурский Д.И. Правовая природа института организационного группового иска в России / Д.И. Шандурский // Вестник гражданского процесса. 2018. № 6. С. 208–225.
6. Шрамм Х.-Й. Юридический анализ дизельного скандала в Германии и США — учительная пьеса на тему защиты прав потребителей / Х.-Й. Шрамм // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 11. С. 159–175.

**Сильченко
Владислав Юрьевич,**
ассистент кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета
vladsl95@gmail.com

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-55-57

Групповое производство и утрата права на самостоятельный иск в арбитражном процессе

В статье приводится оценка состоявшейся реформы группового производства в гражданском процессе России. Автором критикуются нормы Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, в силу которых член группы, отказавшийся от участия в групповом производстве, а также третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора в групповом производстве, утрачивают возможность обратиться в суд с самостоятельным иском по требованию, с которым они могли бы вступить в групповое производство.

Ключевые слова: арбитражный процесс, групповое производство, групповой иск, процессуальная реформа, иск, право на иск.

Федеральным законом от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» был существенно реформирован институт групповых исков в России: появившаяся в 2009 году гл. 28.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ) «Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц» была изменена, в Гражданский процессуальный кодекс РФ была добавлена новая гл. 22.3 с таким же названием.

Несмотря на то что в целом реформу иначе как положительно оценить трудно и в юридической печати отмечают массу позитивных новелл в регулировании группового производства в России¹, некоторые имевшие место недостатки не только не были устранены, но даже приобрели новые, более яркие акценты.

Начнем с того, что в российском арбитражном процессе реализована модель группового производства 'opt-in', которая характеризуется тем, что члену группы для присоединения к ней в процессе необходимо соответствующим образом выразить свое намерение на такое присоединение (в АПК РФ об этом говорит п. 6 ст. 225.10). Для классической модели 'opt-in' свойственно то, что лицо, являющееся членом

группы, но не присоединившееся к ней в процессе, не утрачивает право на самостоятельный иск². Такой подход видится логичным: лицо, не присоединившееся к группе, вообще не получает какой-либо защиты своего права, тогда почему оно должно быть лишено возможности обратиться в суд самостоятельно?

Однако российское процессуальное законодательство применяет обратный, более спорный³ подход, устанавливая негативные последствия в виде утраты права на иск для тех субъектов, которые могли, но стали защищать свои права в групповом производстве.

Так, ранее арбитражный суд должен был прекратить производство по делу, если установит, что имеется принятое по требованию о защите прав и законных интересов группы лиц и вступившее в законную силу решение арбитражного суда и исковое заявление или заявление подано лицом, не воспользовавшимся правом на присоединение к данному требованию, к тому же ответчику и о том же

¹ Долганичев В.В. Новый групповой иск в России: краткий обзор // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 11. С. 14–19 // СПС «КонсультантПлюс».

² Долганичев В.В. 'Opt-in' против 'Opt-out': две различные модели формирования группы в групповом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 2. С. 20–24 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Ходыкин Р.М. Некоторые вопросы применения новых положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о групповом производстве // Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа. 2010. № 1. С. 132–143 // СПС «КонсультантПлюс».

предмете (п. 5 ст. 225.16 АПК РФ в ранее действовавшей редакции). Сейчас, в силу п. 7 ст. 225.16 АПК РФ, к числу субъектов, утрачивающих в силу факта принятия решения по групповому иску право на иск самостоятельный, отнесены также лица, отказавшиеся от заявления о присоединении к требованию (что является прямым продолжением изначального подхода), а также лица, не воспользовавшиеся правом вступить самостоятельно в дело на стороне истца или в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора. На последние две категории лиц и следует обратить особое внимание.

1. Лица, не воспользовавшиеся правом вступить самостоятельно в дело на стороне истца.

По смыслу приведенных положений закона, участники группы, не желающие присоединиться к ней в процессе, могут вступить в дело самостоятельно, то есть стать процессуальными соучастниками (соистцами) в общем порядке. Очевидно, мотивом такого действия может быть несогласие с процессуальной позицией истца-представителя, желание члена группы защищать свои интересы самостоятельно.

Если лицо ранее не обращалось с самостоятельным иском к ответчику, то препятствий в реализации указанного права нет. Однако, если лицо ранее такой иск предъявило, то существующие процессуальные правила, на наш взгляд, исключают его вступление в групповое производство в качестве соистца.

Так, если законодатель прямо предоставляет члену группы, ранее предъявившему самостоятельный иск, механизм присоединения к группе (ч. 4 ст. 225.16 АПК РФ), то применительно к праву вступить самостоятельно в дело на стороне истца такого механизма нет и, более того, иные процессуальные правила такого вступления, на наш взгляд, исключают: в силу ч. 5 и 6 ст. 225.16 АПК РФ производство по самостоятельному иску подлежит приостановлению до вступления в законную силу решения суда по делу о защите прав и законных интересов группы лиц (императивное правило), а следовательно, самостоятельное вступление та-

кого члена группы в дело будет создавать ситуацию параллельного рассмотрения тождественных исков в двух производствах: в приостановленном общеисковом и в групповом производствах, что видится недопустимым.

Законодатель, закрепивший возможность участия в групповом производстве в качестве соистца, не определил согласованного механизма приобретения такого статуса заинтересованными лицами во всех возможных случаях, что может привести и к практическим проблемам.

Например, если допустить присоединение лица в качестве соистца в групповом производстве, несмотря на приостановленное производство по отдельному иску, не ясно, как поступать судам в случае, если групповое производство будет прекращено с переходом к рассмотрению дела в общем порядке по иску истца-представителя, поскольку в такой ситуации отпадут основания для приостановления производства по первоначальному иску соистца, при этом не будет оснований не рассматривать его требование в производстве, «заменившем» групповое.

Вместе с тем лишение лица, подавшего до возбуждения группового производства самостоятельный иск, права вступить в дело в качестве соистца (гарантируя лишь возможность присоединиться к группе) будет нарушать конституционный принцип равенства лиц перед законом и судом (ст. 19 Конституции Российской Федерации), поскольку лица, не подавшие ранее самостоятельный иск, будут иметь возможность реализовать дополнительный, альтернативный вариант защиты своих прав.

При условии, что стремление законодателя ограничить возможность членов группы защищать свои права индивидуально после вынесения решения по групповому иску очевидно, устранение описанного выше процессуального тупика было бы возможно путем закрепления в законе правила, согласно которому производство по самостоятельному иску при возбуждении группового производства приостанавливается только в том случае, если истец не заявил ходатайство об объединении дел для совместного рассмотре-

ния самостоятельного и группового исков, чего, однако, в ходе реформы сделано не было.

2. Третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора.

Если закон и ранее лишил права на самостоятельный иск члена группы, не присоединившегося к ней в процессе, то аналогичные положения в отношении третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, — принципиальное нововведение АПК РФ.

По общему правилу невступление в уже начатый процесс с самостоятельным иском не лишает третье лицо права предъявить его позднее к тому лицу, которое на момент подачи иска будет нарушать его право.

По какой-то причине в групповом производстве это правило перестает работать: лицо должно обнаружить свой интерес до разрешения дела по групповому иску даже в том случае, если этот интерес не совпадает с группой и его защита осуществляется не путем присоединения к ней или самостоятельного вступления в дело на стороне истца в групповом производстве.

Поскольку концептуальных предпосылок к указанному правилу нет, можно предположить, что цель данных изменений — достижение максимальной процессуальной экономии. Если суд рассматривает групповой иск, то, по букве закона, он

должен рассмотреть все связанные с ним требования и устранить спорность в контексте не только самого группового иска, но и объекта спора в целом, исключив в дальнейшем самостоятельные требования третьих лиц.

На наш взгляд, такой подход не может считаться оправданным: при сопоставлении фундаментального права на судебную защиту и идеи процессуальной экономии (если, конечно, нами верно разгадан мотив указанных изменений), в любых ситуациях перевес должен быть за первым.

Подводя общий итог, отметим, что идея утраты права на иск теми лицами, которые не приняли, при наличии на то оснований, участия в групповом производстве, выглядит необоснованной. Полагаем, что формальной предпосылке подобных правил — публичному извещению неограниченного круга лиц о судебном разбирательстве (ч. 3 ст. 225.14 АПК РФ) придается слишком большое значение и презюмировать, что все заинтересованные лица в результате таких извещений узнают о начавшемся групповом разбирательстве и его сути, — недопустимо. И даже если лицо узнало о групповом разбирательстве, то на его решение о защите своего права в конкретный момент времени не должен влиять риск утраты возможности предъявить самостоятельный иск, причем возникший только вследствие того, что группа иных истцов решила реализовать свое право на подачу группового иска.

Литература

1. Долганичев В.В. 'Opt-in' против 'Opt-out': две различные модели формирования группы в групповом производстве / В.В. Долганичев // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 2. С. 20–24.
2. Долганичев В.В. Новый групповой иск в России: краткий обзор / В.В. Долганичев // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 11. С. 14–19.
3. Ходыкин Р.М. Некоторые вопросы применения новых положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о групповом производстве / Р.М. Ходыкин // Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа. 2010. № 1. С. 132–143.

Абушенко**Дмитрий Борисович,**профессор кафедры
гражданского процесса
Уральского государственного
юридического университета,
доктор юридических наук, доцент
abushenko73@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-58-60

Отдельные проблемы гражданско-правового зачета на стадии исполнения судебного акта

В настоящей статье рассматриваются отдельные проблемы гражданско-правового зачета на стадии исполнения судебного акта; высказываются критические замечания относительно некоторых рекомендаций, предложенных Верховным Судом Российской Федерации.

Ключевые слова: зачет, исполнение судебного акта.

В соответствии со ст. 410 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) «обязательство прекращается полностью или частично зачетом встречного однородного требования, срок которого наступил либо срок которого не указан или определен моментом востребования. В случаях, предусмотренных законом, допускается зачет встречного однородного требования, срок которого не наступил. Для зачета достаточно заявления одной стороны». На стадии исполнения судебного акта ч. 1 ст. 88.1 Федерального закона «Об исполнительном производстве» определяет, что по заявлению взыскателя или должника либо по собственной инициативе судебный пристав-исполнитель производит зачет встречных однородных требований, подтвержденных исполнительными документами о взыскании денежных средств, на основании которых возбуждены исполнительные производства, за исключением случаев, установленных законодательством Российской Федерации.

Толкуя указанные нормы, Верховный Суд Российской Федерации сформулировал три специальных правила, которые определяют допустимость зачета в исполнительном производстве:

— первое правило снимает препятствия к зачету для тех случаев, когда исполнительные производства по встречным требованиям находятся в разных подразделениях ФССП России¹;

— второе правило позволяет прекращать обязательства после вступления в законную силу судебных актов без возбуждения по одному или обоим судебным актам исполнительного производства;

— третье правило легитимизирует зачет «после вступления в законную силу судебного акта по одному требованию и при отсутствии возражений должника по другому требованию»².

Разумность первого правила сомнений не вызывает: нахождение исполнительных производств в разных подразделениях ФССП России явление абсолютно случайное, и понятно, что само по себе оно никак не должно влиять на возможность осуществления зачета. В противном случае участники оборота были бы поставлены в совершенно разные условия (применительно к возможности прекратить встречные однородные требования), что нарушало бы общий принцип равенства.

дательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства».

² Второе и третье правила выводятся из п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств», предусматривающего, что «зачет требований является допустимым и после вступления в законную силу судебных актов, подтвердивших наличие и размер соответствующих обязательств сторон, но без возбуждения по одному или обоим судебным актам исполнительного производства, а также после вступления в законную силу судебного акта по одному требованию и при отсутствии возражений должника по другому требованию».

¹ См. п. 36 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законо-

Второе правило внешне выглядит тоже вполне обоснованно: действительно, к чему заставлять стороны совершать лишние усилия (получать исполнительный лист, направлять его в соответствующее подразделение ФССП России, дожидаться отдельного постановления судебного пристава-исполнителя), если сами права требования де-юре подтверждены вступившими в законную силу судебными актами? Полагаем, однако, что ВС РФ допустил фундаментальную ошибку: указав на достаточность вступления решения в законную силу, судебный орган не учел, что свойство исполнимости судебных актов в ряде случаев может быть «оторвано» от законной силы; само же это свойство критически важно для внутренней механики зачета. Объясняется это следующим образом.

Дело в том, что условия для гражданско-правового зачета по общему правилу должны действовать аналогичным образом в том числе и тогда, когда встречные однородные требования прошли судебную проверку. Одним из обязательных условий зачета является осуществимость активного требования (требования заявителя зачета, компенсанта). К примеру, компенсанта не может зачесть требование, срок которого не наступил, — это совершенно очевидно нарушило бы законный интерес контрагента. Конечно, сам факт вступления решения в законную силу означает зрелость активного требования (иначе бы суд просто отказал в иске, сославшись на его преждевременность). Но как только материальное правоотношение попало в сферу судебных процедур, начинают действовать также и совершенно иные механизмы — процессуально-правовые. И эти самые механизмы требуют выстраивания соответствующих межотраслевых связей; в нашем случае — с материально-правовым условием осуществимости. Итак, какие процессуальные институты содержательно противоречат осуществимости требования, но при этом не ставят под сомнение базовую посылку (вступление судебного решения в законную силу)? Рамки настоящей статьи не позволяют погрузиться в доскональный анализ, тем не менее выделим некоторые из них.

Во-первых, это отсрочка (рассрочка) исполнения судебного акта. Безотносительно к основаниям, по которым суд ее предоставил, совершенно очевидно, что назначение этого института как раз и состоит в блокировке исполнения. Было бы странно, если бы кредитор по активному требованию не мог фактически взыскать денежные средства, но с легкостью имел бы возможность получить удовлетворение интереса к прекращению обязательств через такой суррогат исполнения, как зачет.

Во-вторых, это срок предъявления исполнительного листа к исполнению. Требование, по которому истек указанный срок, по сути говоря, становится натуральным. Понятно, что возможность прекращения такого активного натурального требования посредством гражданско-правового зачета мало чем отличается от зачета заданного требования, который прямо запрещен законом (ст. 411 ГК РФ). Поэтому кредитор, пропустивший срок предъявления исполнительного листа к исполнению, полагаем, не должен быть наделен правом на совершение зачета.

В-третьих, это институт отказа взыскателя от взыскания. Такой отказ, принятый судом, на наш взгляд, никак не влияет на само субъективное право, однако же (как и при истечении срока предъявления исполнительного листа к исполнению) превращает его в натуральное. Соответственно, изложенная выше логика применима и здесь.

В-четвертых, это арест активного требования. Речь идет о ситуации, когда компенсанта сам является ответчиком или должником в ином (не встречном) судебном или исполнительном производстве, — истец (взыскатель) по такому производству заинтересован в реальном исполнении, и понятно, что арест и возможная последующая реализация права требования компенсанта к компенсату исключают такую «правовую метаморфозу», как зачет. Проще говоря, если допустить распоряжение (пусть и прошедшим судебную проверку) арестованным правом требования, то это нарушит права иного кредитора.

Наконец, третье правило, как указывалось выше, позволяет зачесть «после вступления в законную силу судебного

акта по одному требованию и при отсутствии возражений должника по другому требованию». При буквальном толковании данного разъяснения, на наш взгляд, получается весьма странная последовательность:

— по активному требованию есть судебный акт, который вступил в законную силу;

— пассивное требование не прошло судебной проверки;

— компенсат, являясь кредитором в активном требовании, направляет уведомление о зачете компенсату (должнику);

— от компенсата (должника) требуется молчаливое согласие, чтобы зачет повлек правовые последствия в виде прекращения встречных обязательств.

Логика в таком построении абсолютно никакой нет: даже если компенсат будет возражать, разве это может в описанной ситуации воспрепятствовать зачету? Вряд ли. Кредитор, имея возможность в исполнительном производстве получить с должника реальное взыскание, по сути, «разменял» это право на встречное требование, не подтвержденное судебным решением. К чему здесь вообще согласие или несогласие компенсата?

Видимо, Верховным Судом Российской Федерации имелась в виду какая-то другая последовательность: скорее всего, речь идет о ситуации, когда по активному требованию нет вступившего в законную силу судебного акта, а по пассивному, наоборот, есть. Компенсат, являясь кредитором в активном обязательстве, направляет уведомление должнику, а последний

как раз и должен как-то выразить свою волю по поводу встречного прекращения его требования. Такой подход может найти хоть какой-то намек на внутреннюю логику: компенсат как бы предлагает компенсату «разменять» свое непрошедшее судебную проверку активное требование на принадлежащее контрагенту «более ценное», установленное судом. Но и при предложенной интерпретации остаются, в частности, следующие вопросы:

а) почему вообще необходимо волеизъявление компенсата?

б) по какой причине такое волеизъявление может быть в форме молчаливого согласия?

в) допустим ли зачет требования, подтвержденного вступившим в законную силу судебным актом, но не обладающего свойством осуществимости (см. выше замечания ко второму правилу)?

г) в какой процедуре и какой орган (суд или судебный пристав-исполнитель) будет устанавливать «отсутствие возражений должника по другому требованию»?

На наш взгляд, второе и третье из выделенных нами правил нуждаются в серьезном доктринальном обосновании и — при наличии разумных доводов для фиксации предложенных идей — в грамотной синхронизации с судебной процедурой и институтами исполнительного производства. На данный же момент, полагаем, суды крайне осторожно должны подходить к применению сформулированных Верховным Судом Российской Федерации рекомендаций.

Литература

1. Гальперин М.Л. Новеллы законодательства об исполнительном производстве: оптимальные процессуальные институты или разрыв с материально-правовой основой? / М.Л. Гальперин // Закон. 2014. № 4. С. 124–135.
2. Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак [и др.] ; ответственный редактор А.Г. Карапетов. Москва : Статут, 2017. 453 с.

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов, можно обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Arbitrazh-civil procedure

SCIENCEPRACTICE AND INFORMATION EDITION. Registered in Federal service on supervision in sphere of media communications and protection of cultural heritage
PI No. FC77-29216 of August 23, 2007. Published since 1998. Published monthly

No. 11/2020

EDITOR IN CHIEF:

Jarkov V.V., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation

DEPUTY EDITOR IN CHIEF, REGIONAL EDITOR:

Dolganichev V.V., PhD (Law), associate professor

EDITORIAL BOARD:

Arifulin A.A., professor, Honored Lawyer of the RF;
Vityrskij V.V., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Jilin G.A., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Isajchev V.I., Honored Lawyer of the RF;
Nosyeva E.I., LL.D., professor;
Osokina G.L., LL.D., professor;
Renov Eh.N., PhD (Law), professor;
Sakhnova T.V., LL.D., professor;
Treushnikov M.K., LL.D., professor;
Tumanova L.V., LL.D., professor;
Scherstjuk V.M., LL.D., professor;
Yukov M.K., LL.D., professor

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding member
of the RAE, Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITOR IN CHIEF

OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N.,
Platonova O.F., Trunchevskij Yu.V.

EDITORIAL OFFICE:

Lapteva E.A., Solovyova D.V.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Founder: Jurist Publishing Group

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel. / fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Tel.: (495) 953-91-08

ADDRESS PUBLISHERS / EDITORS:

Bldg. 7, 26 / 55, Kosmodamianskaya Emb.

Moscow, 115035.

E-mail for authors: avtor@lawinfo.ru

SUBSCRIPTION:

United catalogue. Russian press — 85473;

Russian post. Digital catalogue — П1715.

Subscription at www.lawinfo.ru

Passed for printing: 19.10.2020.

Issue was published: 29.10.2020.

ISSN 1812-383X

Printed at typography National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37

Size 170x252. Offset printing.

Printer's sheet 5,0. Conventional printed sheet 5,0.

General circulation 4000 copies. Free market price.

PRINCIPLES OF CIVIL PROCEDURE LAW.

THE CIVIL PROCEDURE FORM

3 Yarkov V.V. Principles of Civil Procedure Law in the Conditions
of Deritualization and Dematerialization of Justice

6 Pleshanov A.G. Availability of Justice and Optimization of Procedure within
the Framework of a Procedural Reform (on the Example of Provisions on Terms
of Case Review by First Instance Courts)

9 Fetisov A.K. Normativity of the Civil Procedure Form in the Post-Reform
Civil Procedure Period

11 Zippunnikova Yu.N. Procedural Consequences of Mistakes in Selection
of a Judicial Proceedings Type and the Procedural Form: Post Factum
Reflections

COMPETENCE

14 Baradanchenkova N.E. Some Practical Issues of Transfer of Cases between
General Jurisdiction and Commercial Courts

16 Chudinovskaya N.A. On Imperative Jurisdiction in the Modern Civil
Procedure

REPRESENTATION

19 Reshetnikova I.V. Professional Representation in Russian Courts:
The Application Practice

21 Skuratovskiy M.L. An Attorney as an Individual in a Commercial
Procedure

CONCILIATION PROCEDURES

24 Ivanova E.A. Sheremetova G.S. Conciliation Procedures:
Issues of Application in a Civil Procedure

27 Batukhtina E.M. On the Executive Power of a Mediation Agreement
Certified by a Notary

SUMMARY PROCEEDINGS

29 Tsaregorodtseva E.A. Reformation of Summary Proceedings:
Aims and Results

32 Solomeina E.A. New Opportunities for Summary Proceedings

ISSUES OF SEPARATE STAGES OF A CIVIL PROCEDURE

34 Kudryavtseva V.P. A New Obligation to Submit Copies of Statements
of Claims to Other Parties to a Procedure: The Procedure Theory
and the Application Practice

36 Lazarev S.V. Management of the Duration of Speeches of Parties
to Judicial Proceedings by a Commercial Court

READJUDICATION OF JUDICIAL ACTS

38 Khalatov S.A. The Meaning of the Reform of Judicial Supervision
in the Civil Procedure in 2018

41 Timofeev Yu.A. Approximation of Procedural Rules for Readjudication
of Judicial Acts

44 Grebentsov A.M. Objections to a Cassation Appeal in Civil Proceedings
in a Cassation Court of General Jurisdiction: Legal Regulation Drawbacks

PECULIARITIES OF REVIEW OF SEPARATE CASE

CATEGORIES

47 Podolskiy Yu.D. A Procedural Reform in Bankruptcy: Extrajudicial
Compilation of a Register of Claims

49 Razdyakonov E.S., Tarasov I.N. Results of the Procedural Reform
of the Corporate Dispute Resolution Procedure

52 Dolganichev V.V. Some Peculiarities of a Consumer Class Action in Russia

55 Silchenko V.Yu. Class Proceedings and Loss of the Right to a Separate
Claim in an Arbitration Procedure

ISSUES OF MUTUAL INFLUENCE OF SUBSTANTIVE AND PROCEDURAL LAW

58 Abushenko D.B. Separate Issues of a Civil Law Offset on the Judicial Act
Enforcement Stage

Recommended by the Supreme Attestation Commission under
the Ministry of Science and Higher Education of the Russian
Federation for publications of results of doctoral theses.

Principles of Civil Procedure Law in the Conditions of Deritualization and Dematerialization of Justice**Yarkov Vladimir V.**

Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

Honored Scientist of the Russian Federation

LL.D., Professor

The article analyzes the impact of key trends in the development of civil and administrative proceedings in recent years on certain principles of civil procedure law. In the author's opinion the Russian judicial system is undergoing a period of reform, similar in depth and content to the reforms of the 90s of the XX century. Therefore, attention is drawn to the need to rethink the content of a number of principles of civil procedure law.

Keywords: civil procedure law, principles, deritualization dematerialization, justice.**Availability of Justice and Optimization of Procedure within the Framework of a Procedural Reform (on the Example of Provisions on Terms of Case Review by First Instance Courts)****Pleshanov Aleksandr G.**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

PhD (Law)

In this article the author analysis changes made to the procedural legislation of Russia as part of the reform 2018 with regard to the ratio of the idea of optimization and the principle of access to justice. The main object of analysis is general terms of consideration of cases in courts of first instance.

Keywords: optimization of the civil procedure, unification of civil procedural legislation, the principle of access to justice, general terms of consideration of cases in courts.**Normativity of the Civil Procedure Form in the Post-Reform Civil Procedure Period****Fetisov Aleksandr K.**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

PhD (Law)

The article examines the impact of changes in procedural institutions on the procedural form. In the case of gaps, civil procedural relations may arise as factual and then be governed by civil procedural law. Judicial practice is becoming a direct source of such regulation.

Keywords: procedural form, principle of legality, simplified production.**Procedural Consequences of Mistakes in Selection of a Judicial Proceedings Type and the Procedural Form: Post Factum Reflections****Zipunnikova Yulia N.**

Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

The article is devoted to changes in procedural legislation in relation to the procedural consequences of the wrong choice of the type of proceedings and the impact of such changes on the understanding of the procedural form.

Keywords: type of legal proceedings, procedural form, process.**Some Practical Issues of Transfer of Cases between General Jurisdiction and Commercial Courts****Baradanchenkova Natalya E.**

Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

The article raises some practical issues of case referral between courts of general jurisdiction and commercial courts including the aspects of causes for case transferring, consequences of taking interim measures and other procedural actions by an incompetent court, as well as possible prospects for institution development.

Keywords: judicial authority, competence, jurisdiction, judicial case referral, interim measures.**On Imperative Jurisdiction in the Modern Civil Procedure****Chudinovskaya Natalya A.**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

PhD (Law)

The article substantiates the position on preserving the concept of mandatory jurisdiction in modern civil procedure, taking into account the new procedural legislation under Federal law No. 451 of 28.11.2018. The expediency and effectiveness of strengthening and developing the institution of mandatory jurisdiction is argued on the example of legal relations arising from OSAGO.

Keywords: availability of judicial protection, mandatory jurisdiction, financial commissioner.**Professional Representation in Russian Courts: The Application Practice****Reshetnikova Irina V.**

Presiding Judge of the Commercial Court of the Ural District

Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

LL.D.

The article reveals the exceptions to professional representation in court (the rules on the mandatory presence of a representative in the court of higher legal education or a degree in law). This requirement does not apply to patent attorneys in disputes related to the legal protection of intellectual property results and means of individualization, arbitration managers in the performance of their duties in a bankruptcy case. An exception to the General rule is also legal representation, representation of organizations by bodies of legal entities. However, the head of a representative office (branch) of a legal entity must submit to the court documents on higher legal education or academic degree in a legal specialty. An auditor or a member of the chamber of Commerce and industry must have a higher legal education or a degree in law in the case of representation in court.

Keywords: higher legal education, academic degree in law, representation of organizations, branches and representative offices.**An Attorney as an Individual in a Commercial Procedure****Skuratovskiy Mikhail L.**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

Honored Lawyer of the Russian Federation, PhD (Law)

The subject of the article is the specifics of representation in the commercial procedure, which requires the persons participating in the court session to have not only legal, but also other knowledge, including the economic background of the dispute. The author proposes ways of normative improvement of the norms of the agro-industrial complex on representation based on the differentiation of representatives by the scope of their powers.

Keywords: representation, attorney, court session, scope of authority.

Conciliation Procedures: Issues of Application in a Civil Procedure**Ivanova Ekaterina A.**

Analyst of the Mediation Center

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University (USLU), LL.M. (USA)

PhD (Law)

Sheremetova Galina S.

Leading Expert of the Mediation Center

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University (USLU)

PhD (Law)

The article is devoted to some leading issues that appeared both before and during the modernization of the civil procedure in the area of the conciliation procedures development. Firstly, the authors analyzed the issue of including the conciliation (mediation) period in the general period of the trial, as well as the issue of unification of the conciliation periods application in civil and commercial procedures, administrative proceedings and legislation on mediation. Secondly, the authors kept up to date the issue of popularizing conciliation procedures among citizens, the solution of which is proposed to be achieved by teaching special skills of the judiciary for the effective implementation of conciliation in the civil procedure.

Keywords: civil procedure, conciliation, mediation, mediation techniques in judicial activity, procedural periods.

On the Executive Power of a Mediation Agreement Certified by a Notary**Batukhtina Elena M.**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

PhD (Law)

The article deals with a new law, part of the judiciary reform — validation of mediation agreement executive force by its notarial certification. Some aspects of such mediation agreement complicated legal nature are explored. First results of the notarial practice concerning certification of mediation agreements are concluded.

Keywords: executive force, mediation agreement, notary act, mediation, judiciary reform.

Reformation of Summary Proceedings: Aims and Results**Tsaregorodtseva Ekaterina A.**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

PhD (Law)

The article analyzes the changes made by Federal law No. 451-FZ of November 23, 2018 to the procedure for consideration of cases in simplified proceedings in civil proceedings. It is noted that the main goal of the procedural reform was to continue the development of civil procedural legislation in order to unify it.

Keywords: correspondence procedure, summary proceeding, procedural reform, civil litigation.

New Opportunities for Summary Proceedings**Solomeina Elizaveta A.**

Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure

Leading Expert of the Mediation Center of the Ural State Law University

Amendments to the Code of Civil Procedure of the Russian Federation regarding the regulation of summary proceedings, in particular, changes in the grounds that make it impossible to consider the case in the simplified procedure, opens up new opportunities for the application of this procedure. A number of cases of special procedure are in this sense the most promising.

Keywords: summary proceedings, special procedure, proceedings in cases arising from public law relations.

A New Obligation to Submit Copies of Statements of Claims to Other Parties to a Procedure: The Procedure Theory and the Application Practice**Kudryavtseva Vera P.**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University (USLU)

PhD (Law)

The article reveals the practice of interpretation of the new obligation to send a statement of claim and other documents before filing a claim in court. The new version of article 132 of the CPC has given rise to an interpretation that prevents the plaintiffs from exercising their right to appeal to the court. The problem of access to the court has two sides—financial and procedural. The financial side puts the burden on the plaintiff to bear additional costs before the process occurs. The procedural side complicates the solution of the problem, since it does not directly fix the possibility to appeal the judge's decision to leave the application without movement. A critical view of the interpretation of the text based on the principles of civil procedure is given. A new interpretation cannot be left to the court discretion. The absence of evidence of sending the claim to other participants cannot be considered as an abuse of the right. It is proposed to proceed from the principle of good faith of the plaintiff when initiating a civil case. The necessity to fix the presumption of sending the documents specified in the law to facilitate access to the court is justified. It is proposed to unify the interpretation of the new obligation by adopting A resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: leaving the application without movement, statement of claim, documents attached to the statement of claim, initiation of civil proceedings, good faith.

Management of the Duration of Speeches of Parties to Judicial Proceedings by a Commercial Court**Lazarev Sergey V.**

Judge of the Commercial Court of the Ural District

Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

PhD (Law)

The article discusses the rule of law on the possibility of the commercial court determining the duration of the speeches of persons participating in the case. The author examines various aspects of this innovation: definition criteria, the possibility of disagreement, contestation, fixation, the need for motivation, etc.

Keywords: case management, the right to be heard, the duration of the trial.

The Meaning of the Reform of Judicial Supervision in the Civil Procedure in 2018**Khalatov Sergey A.**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

PhD (Law)

The article examines the issue of the consequences of changes in certain norms of the Code of Civil Procedure, regulating supervisory proceedings. Based on the results of studying the practice of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, it is concluded that the changes have a minimal impact on judicial practice in civil cases.

Keywords: supervisory proceedings, judicial review, Presidium, court decisions.

Approximation of Procedural Rules for Readjudication of Judicial Acts**Timofeev Yuriy A.**Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

The reforms of the last ten years have largely led to the convergence of the system of reviewing judicial acts in the CPC and the agro-industrial complex. A unified model of mixed appeal was established, the functions of cassation were transferred to monofunctional courts of cassation, an extraordinary revision was concentrated at the level of the Supreme Court of the Russian Federation. This led to the similarity of legal regulation of verification activities, the establishment of the same type of procedural rules of production.

Keywords: civil process, arbitration process, system of revision of judicial acts, monofunctional courts of verification instances.

Objections to a Cassation Appeal in Civil Proceedings in a Cassation Court of General Jurisdiction: Legal Regulation Drawbacks**Grebentsov Aleksandr M.**Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

The article is devoted to the problem of legal regulation of the procedure for submitting objections to a cassation appeal in cassation proceedings in cassation court of general jurisdiction. The article points out the absence in the Code of Civil Procedure of a procedure for submitting objections to a cassation appeal taking into account the principle of competitiveness and equality of the parties, and suggests a solution to this problem.

Keywords: cassation proceedings, cassation court of general jurisdiction, the principle of competitiveness and equality of the parties, objections to the cassation appeal.

A Procedural Reform in Bankruptcy: Extrajudicial Compilation of a Register of Claims**Podolskiy Yuriy D.**Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
Lawyer at the Urals Legal Law Firm
PhD (Law)

The article is devoted to some aspects and problems of reforms in Russian insolvency proceedings these days. Changes are connected with the procedural arrangements of consideration of the crucial detached disputes — disputes over including claims into the list of creditors. The author comes to the conclusion of necessity to honor peculiarities and value of the acts of court as a legal phenomenon whilst changing law.

Keywords: commercial procedure, insolvency (bankruptcy), detached disputes, creditors' claims, acts of court.

Results of the Procedural Reform of the Corporate Dispute Resolution Procedure**Razdyakonov Evgeniy S.**Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

Tarasov Igor N.
Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

The article examines some of the results of the procedural reform in terms of the resolution of corporate disputes by courts. The authors formulated four main theses that reflect the essence of this reform: the division of competence in corporate disputes between courts of general jurisdiction and arbitration courts, the expansion of the arbitrability of corporate disputes, the implementation of the principle of one-time consideration of a corporate dispute, the consolidation of new subjects of civil proceedings in corporate disputes not named in the general part of the Commercial Procedure Code of the RF and the Code of Civil Procedure of the RF.

Keywords: corporate dispute, corporation, third parties, procedural rights, procedural status, reform.

Some Peculiarities of a Consumer Class Action in Russia**Dolganichev Vladimir V.**Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law)

In the world class action is an effective remedy of protecting consumers' rights. This institution makes it possible to protect the rights and interests of many people who have suffered from mass harm. A class action lawsuit in accordance with the Code of Civil Procedure of the Russian Federation can also be brought for the protection of consumer rights. Moreover, such a claim has a number of features that are analyzed in the article.

Keywords: class action, group proceedings, protection of consumers' rights.

Class Proceedings and Loss of the Right to a Separate Claim in an Arbitration Procedure**Silchenko Vladislav Yu.**

Teaching Assistant of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University

The article provides an assessment of the reform of group production in the civil process of Russia. The author criticizes the norms of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, by virtue of which a member of a group who refused to participate in a group proceeding, as well as a third party who claims independent claims regarding the subject of a dispute in a group proceeding, lose the opportunity to go to court with an independent claim at the request with which they could enter into group proceeding.

Keywords: commercial procedure, group proceedings, class actions, reform of civil process, action, right of action.

Separate Issues of a Civil Law Offset on the Judicial Act Enforcement Stage**Abushenko Dmitriy B.**Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University
LL.D., Associate Professor

This article deals with some problems of civil law set-off at the stage of execution of a judicial act; critical comments are made on some of the recommendations proposed by the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: set-off, execution of a judicial act.